

Кирилл Аксацкий

Роман о том, как реальный первый мэр Обнинска начал управлять воображаемым средним российским городом,

чтобы сделать его нормальным европейским городом...
Оказывается, что это сложно, но можно, если уметь.

СРЕДНЕГРАДС

16+

Кирилл Юрьевич Аксасский

Среднеградск

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37403779

SelfPub; 2018

Аннотация

Описаны несколько первых дней работы Крестова Ивана Васильевича – вновь избранного мэра обычного среднего российского города Среднеградска. В самом начале 1990-х годов он, тогда ещё совсем молоденький, уже поработал мэром Среднеградска. На этот раз Крестов опытнее, умнее, хитрее. Иван Васильевич решил войти второй раз в ту же реку для того, чтобы попытаться превратить обычный российский город в успешный европейский, в котором можно было бы жить дальше и ему самому с женой, и его детям, и внукам... как в Европе. Но управлять Среднеградском ему предстоит в совсем другой политической и экономической ситуации в России...

Содержание

Часть I. Крестов	5
Глава 1. Понедельник	5
1	5
2	7
3	12
4	16
5	19
6	30
7	36
8	42
9	46
10	51
11	64
12	73
13	78
14	93
15	102
16	108
17	114
18	121
19	132
20	146
21	153

22

158

23

165

Конец ознакомительного фрагмента.

170

Часть I. Крестов

Глава 1. Понедельник

1

В первый понедельник октября Ивану Васильевичу Крестову крупно повезло с самого утра: он проснулся без будильника. Крестов открыл глаза, понял, что еще не звенело, опустил левую руку, нащупал будильник на полу, сразу щелкнул пипочку вниз и уже потом поднял к глазам – 65–5. Звенеть должно было в 70–0. Везение заключалось в том, что Иван Васильевич не разбудил свою жену, которая не разговаривала с ним уже почти месяц.

«Ё! Это же теперь мне каждый день придётся так вставать. 5 лет каторги и в этом смысле», – подумал он с ощущением тоски прямо в своих серых клеточках, которые Иван Васильевич уважал не меньше, чем Эркюль Пуаро свои.

Крестов, не производя ни малейшего звука, сунул ноги в тапочки, взял в одну руку будильник, в другую коврик для гимнастики и вышел из спальни, притворив за собой дверь. Закрывать полностью было нельзя – кошка Мурлыка терпеть не могла закрытых дверей в квартире и сразу шла царапать-

ся в них с проверкой. А поскольку спала она прямо на своей хозяйке-кормилице-любимице, то если бы Иван Васильевич дверь закрыл, его жену разбудила бы уже их кошка, тотчас соскочив с кровати, громко потребовав открыть дверь, а потом пустившись сопровождать по квартире хозяина, который был её кормильцем-любимцем, только когда хозяйка уезжала в командировки.

Крестов поставил будильник на свой стол в кабинете, бросил коврик на диван в гостиной и после туалета зашел в ванную. Из зеркала на него смотрело не выпавшееся, слегка небритое, довольно унылое лицо 53-летнего прямоносого кучерявого мужика без единой сединки. «И бриться теперь мне каждый день придётся», – продолжал пилить его внутренний зануда.

«Если ты назвался «груздь»,
Полезай теперь в свой кузов.
Посылай подальше грусть,
Отвечай на вызов», —

попробовал подбодрить себя сочинением стишка Иван Васильевич. «Кузов с вызовом рифмуется слабовато», – тут же заметил зануда.

Но Крестов «груздем» назвался не сам: во второе воскресенье сентября его выбрали главой муниципального образования – мэром города Среднеградска. Вот на следующий день Надежда Григорьевна и перестала разговаривать со своим мужем. Она до последнего момента еще надеялась, что

не выберут. Но после официального объявления итогов по городскому радио Надежда была убита и она замолчала. Потому что «груздем» Крестов назвался сам, согласившись с выдвижением его кандидатуры. Потому что не смогли две недели в мае ежедневных тематических скандалов между ними. Потому что лето для семьи было потеряно и променяно им на избирательную кампанию. Но самое главное – потому что впереди были 5 лет «отапливания космоса». Такое клеймо Надежда Григорьевна уже давно поставила на миссионерские закидоны своего мужа «во благо страны и местного сообщества» за счет интересов семьи. 20 лет назад они уже это всё проходили.

Иван Васильевич побрился, «прокрутил свои чакры» (так домашние называли его утреннюю гимнастику тибетских лам), принял душ, выпил чашку чистой воды, съел порцию овсяной каши, оделся по-осеннему, взял свой портфель доцента и в 82–5 вышел из стандартной советской трехкомнатной квартиры обычного советского панельного шестиподъездного девятиэтажного дома на улицу. Ходьбы до здания городской администрации было ровно полчаса, а за 20 лет скорость своего пешего передвижения Крестов не снизил.

2

Дождя не было. От в целом гнилой погоды в Среднеградске Иван Васильевич уже почти ничего больше и не требо-

вал. Его, родившегося и выросшего в Сибири, где «зима, так зима, лето так лето», эта стабильная серость-сырость Средней полосы России достала до такой степени, что он уже пару лет как начал исподволь приучать жену к мысли, что после выхода на пенсию надо бы перебраться куда-нибудь в более солнечное место, например, Одессу, или даже в Софию.

Крестов поднял голову к небу и не вслух сказал: «Спасибо». Нет, он был неверующим. Но неверующим только в том смысле, что не ходил в церковь, не постовал, не ... ну и т. д. Однако существование неподвластной человеку некоей высшей силы Иван Васильевич признавал и её-то и называл для себя Богом. И с первого сентября, когда он пошел в первый раз в первый класс, в ответственные моменты произносил про себя простейшую молитву, которой его в тот день утром научили набожные тетки, сестры отца. Сейчас он тоже её произнёс.

Путь от дома до городской администрации можно было проложить, в зависимости от погоды, настроения и наличия времени, по-разному: Крестов очень хорошо знал всю территорию Среднеградска – со времён приезда сюда молодым специалистом он исходил её вдоль и поперёк многократно. Но получасовой маршрут пролегал почти по прямой: сначала 4/5 расстояния по улице Энгельса, а остаток – по проспекту Ленина. А поскольку дом Крестова стоял первым на улице Маркса, то такой переход он называл прогулкой по классикам марксизма-ленинизма. Оставалось только выбрать, по

какой стороне Энгельса идти. Раз дождя не было, значит, обе были сухими, в смысле «не промочить бы ноги». «Для психологического настроения пойду против течения», – решил Иван Васильевич и перешел на сторону, вдоль которой машины ехали навстречу ему.

Метров через 300 он посмотрел направо вдоль перпендикулярной улицы Циолковского – отсюда была видна площадь, на которой в субботу проходила его инаугурация.

По уставу Среднеградска эта процедура должна проводиться в первую субботу месяца, следующего за месяцем, в котором состоялись выборы, а первый понедельник становился первым рабочим днем избранного. Тогда Крестову тоже крупно повезло – во время инаугурации не было дождя. Это ведь он лично настоял на переносе мероприятия на площадь – раньше всегда использовали самый большой зал в городе. Его отговаривали и пугали именно дождём. Но уже прошло почти три года, как Иван Васильевич, будучи доцентом кафедры государственного и муниципального управления в одном из столичных вузов, показал первый раз студентам документальный фильм, в котором был такой фрагмент: на площади швейцарского городка проходит общее собрание его жителей и решаются важные местные вопросы. Вот с того момента он прямо грезил: и в Среднеградске может быть что-то подобное.

В субботу всё прошло почти так, как хотел Крестов: пришли и выступили все 5 проигравших ему кандидатов (Иван

Васильевич лично встречался с каждым и уговаривал-уговорил), пришел и выступил теперь уже бывший мэр, выступили несколько местных партийных лидеров. Все говорили в стиле: несмотря ни на что, мы вместе должны делать наш город лучше. Народу было, конечно, не столько, сколько хотелось – площадь была заполнена примерно на 2/3, но это всё равно явно больше, чем помещается в зале. Никого специально на площадь не затаскивали – для Крестова это было принципиально. Просто дали объявление в газетах, по радио и на телевидении. 1/3 площади Иван Васильевич считал заполненной муниципальными бюджетниками (кто по привычке, кто «на всякий случай – вдруг отмечать будут»), кто из любопытства, а кто-то и как граждане города), 1/3 – любопытствующими жителями, а пустую 1/3 списывал на испуг – «вдруг дождь пойдёт».

В общем, прецедент был создан, и дальше появлялся шанс эту площадь сделать постоянным местом собраний и конференций горожан.

Крестов довольно улыбнулся, отвернулся от Циолковского и вернулся к Энгельсу, но почти сразу погрустнел: Надя-то даже на инаугурацию не пришла. И это уже Ивана Васильевича почти пугало.

Около автобусной остановки Крестов чуть не упал, споткнувшись о вдруг выкатившуюся под ноги бутылку из-под пива, свалившуюся с верхушки переполненного мусорного ящика. «Ё!», высказался он. И это уже было не сокращение

от «ё-моё», как он всем объяснял часто употребляемую им букву, а тоже сокращение, но явно от другого словосочетания. «Меняются годы и века – не меняются только люди и их проблемы», – мрачно оформил он букву своей мыслью, по привычке стараясь сделать её похожей на афоризм.

«Ну, ладно, повторим урок – что я должен сделать сегодня обязательно?» У Ивана Васильевича ответ на этот вопрос самому себе назывался выкладыванием важного на карту дня. За оставшуюся часть пути на этой карте он зафиксировал:

сначала короткое, минут на 101–5 не больше, собрание руководителей структурных подразделений администрации; потом до обеда встречи с заместителями бывшего главы; после обеда подробный разговор с председателем городской думы;

и в конце дня совещание у прокурора города с участием председателя городского суда и начальников городских отделов МВД и ФСБ.

«Так, забей себе в подкорку, Ваня, на 5 лет – это всего лишь твоя большая, интеллектуальная, интересная игра, правила которой отчасти задаешь ты сам. Никаких лишних переживаний, никаких вредных для здоровья перегрузок. Просто, у тебя белые фигуры, и белые начинают, продолжают, получают удовольствие и выигрывают!»

Крестов открыл парадную дверь и вошел в здание городской администрации.

Сержант-полицейский подскочил со стула, отдал честь и нажал кнопку, открывая турникет. «Доброе утро», – буркнул Иван Васильевич и прокрутил ногами заградительное устройство. «Какого черта он здесь делает!?! И чего это он честь отдаёт мне, капитану ПВО в запасе? Отгородились! Тоже мне, неуловимые Джо! Убрать это всё надо к ядрёне фене в ближайшее время», – продолжал мысленно бурчать Крестов, поднимаясь на второй этаж и заходя в приёмную кабинета мэра.

Там со своего стула подскочила Оксана, секретарь бывшего главы, а теперь, получается, что его. «Здравствуйте, Иван Васильевич», – бодро произнесла она в стиле «какие будут указания». Это была красивая брюнетка в возрасте «ягодки опять». Крестов помнил её еще совсем молоденькой, когда она только появилась в этом здании в качестве неопытной секретарши замглавы по социальным вопросам. Теперь она стала здесь одним из самых старожилов. И в своей секретарской карьере Оксана ниже замглавы никогда не опускалась, а при последних двух мэрах и вовсе достигла пика в этой иерархии. И что бы про неё ни рассказывали, это явно свидетельствовало о том, что человек был полезным и правильным на своем важном месте. Правильность Оксаны базировалась на трех простых принципах:

опекаемый (так она про себя называла своего текущего начальника) всегда прав;

опекаемый тоже человек и может ошибаться;

опекаемый ошибся только тогда, когда сам увидел свою ошибку (не заметив при этом соответствующей секретарской наводки).

Важность места, похоже, была достаточной мотивацией для Оксаны, а деньги и остальные атрибуты внешнего благополучия обеспечивались её мужем, на успешности бизнеса которого эта важность тоже, конечно, сказывалась. Но справедливости ради надо отметить, что сказывалась неявно – просто партнёры, поставщики, заказчики мужа всегда помнили, где и кем у него работает жена.

– Ну, что, Оксана Валентиновна, всё, как и договаривались в субботу? – как бы спрашивая, сказал Крестов. Оксана сама подошла после инаугурации на площади к нему, представилась и спросила о его планах на понедельник.

– Да, Иван Васильевич, замы и начальники управлений и отделов уже собрались в зале на четвертом этаже и ждут. А потом все замы к Вам по алфавиту с разрывом в 45 минут. Правда, замы не все, а только четверо из шести. Базырев на больничном, а Ларичев – в очередном отпуске, – ответила Оксана.

– Ну и так даже лучше – не все сразу, – сказал Крестов и прошел в кабинет мэра, т.е. теперь уже в свой кабинет.

Он разделся в комнате отдыха, сделал три небольших

глотка воды, причесался после кепки, и, цокнув языком и подмигнув себе в зеркало, пошел на собрание местного начальства.

«Да что же тут все так подскакивают, как-будто на мне маршальский мундир, а на них солдатские гимнастерки», – с легким раздражением подумал Крестов, взойдя на подиум к столу президиума и глядя на собравшихся, дружно поднявшихся со своих мест при его появлении в зале.

Крестов пару раз кашлянул: и для профилактики горла, и для обозначения некоторого волнения, которого у него практически не было.

«Доброе утро, коллеги! Присаживайтесь, пожалуйста.

В соответствии с уставом Среднеградска я приступил к исполнению обязанностей мэра города, который у нас является главой местной администрации. В течение своего срока полномочий я вместе с вами буду реализовывать свою предвыборную программу. Моя победа на выборах означает, что эту программу поддержали жители города. Отсюда простой вывод – это уже не моя программа, а программа активного большинства горожан. Думаю, что все вы с программой уже давно и хорошо знакомы. Но на всякий случай информирую, что до конца года она по-прежнему будет доступна на сайте Союза налогоплательщиков Среднеградска. Сегодня я дам указание разместить программу и на официальном сайте нашей администрации».

Крестов выделил слово «нашей» звуком, а теперь еще и

взял паузу – пусть дойдёт.

«Но эту общую программу надо еще превратить в подробный план деятельности системы всех органов местного самоуправления совместно с горожанами, юридическими лицами, территориальными органами госвласти.

Поэтому ближайшие организационные мероприятия у нас такие.

До конца года будет проведена комплексная инвентаризация нашего муниципального образования и по её итогам, не позднее января месяца, мы опубликуем подробный аналитический отчет «О состоянии дел в местном самоуправлении Среднеградска». У меня нет никаких иллюзий по поводу этого состояния дел. Поэтому практически весь следующий год уйдет на стыковку объявленных в предвыборной программе целей с выявленными в результате инвентаризации реальными возможностями.

До конца октября я подготовлю и внесу на утверждение городской думы проект новой структуры нашей администрации. В процессе подготовки этой новой структуры я встречу с каждым из вас лично-индивидуально. Прошу быть готовыми отвечать на мои любые вопросы относительно содержания деятельности: и вашей персонально, и руководимого вами структурного подразделения, и каждого его штатного сотрудника.

Советую сильно не нервничать: все кто хочет и может работать – останутся работать. У меня пока всё. Вопросы

есть?»

В течение минуты Крестов обводил глазами присутствующих. Но большинство из них смотрело куда-то неопределенно вперёд, мимо него. А выражение глаз, с которыми он встретился взглядом, было, пожалуй, ещё более неопределённым.

Только несколько человек смотрели на него, откровенно разглядывая и ничуть не смущаясь – это были журналисты городских СМИ. Камера городского частного телеканала тоже глядела на Ивана Васильевича, не мигая.

Тишина в зале была не то чтобы мёртвой, а нехорошей, так скажем.

«Раз вопросов нет, значит всё понятно. Это замечательно. Пойдёмте работать».

Иван Васильевич соскочил с подиума и первым вышел из зала.

4

– Оксана Валентиновна, кто у нас первый? – спросил Крестов, войдя в свою приёмную.

– Андрюшина Нелли Прохоровна. По алфавиту же.

– И через сколько минут?

– На 93–0 же, значит через 18.

– А сколько времени уйдёт у Вас на чашку кофе мне?

– Так в комнате отдыха кофе-машина есть. Вот через 3

минуты и будет.

– Отлично. Жду. Только со сливками и без сахара.

Иван Васильевич прошел в кабинет и в первый раз сел в кресло. Пока Оксана готовила кофе, изучал состояние и содержимое кабинета. «В ближайшие года 3 никаких изменений: ни ремонта, ни замены мебели. Ничего», – пришел он к выводу. «Ну, может быть, пару картин принесу из дома».

– Оксана Валентиновна, присядьте на минуточку, – сказал Крестов вошедшей с кофе Оксане. – У меня к Вам такое предложение: до конца года Вы работаете, как работали. А после Нового года мы вместе обсудим, получается ли у нас. Годится?

– Иван Васильевич, конечно годится. Вполне рациональное предложение, – невозмутимо ответила опытная Оксана. Она была уверена, что у неё и с этим всё получится.

– На 140–0 пригласите ко мне начальника управления по делам ГО и ЧС, а в 143–0 ко мне придёт председатель нашей думы. Вы в комнате отдыха устройте чаепитие на двоих. Если знаете его вкусовые предпочтения, то сделайте всё, как он любит, а я буду пить свой любимый зеленый чай с альпийскими травами. Не переживайте – я принёс с собой пачку этого чая.

– А потом?

– Потом я уеду к прокурору города на совещание к 163–0. Предупредите водителя и говорите всем, что я сегодня недоступен.

Крестов сел за приставной столик спиной к окну, достал из портфеля скопированные с официального сайта муниципального образования и распечатанные им дома в воскресенье схему подчинённости структурных подразделений городской администрации, утверждённую Думой Среднеградска почти год назад, и сведения о заместителях мэра, которые он по советской привычке продолжал называть «объективками». Они уже были сложены по алфавиту: Андриюшина Нелли Прохоровна, Базырев Владислав Владимирович, Ивин Антон Леонтьевич, Ларичев Олег Митрофанович, Привалов Алексей Романович, Сафин Александр Мартынович. Он вынул из комплекта и вернул в портфель Базырева и Ларичева.

Затем Крестов вытащил из портфеля свой командировочный ноутбук, подсоединил его к электросети, включил загрузиться и взял верхний листок из стопки объективов.

«Так, Андриюшина: ... 40 лет ... родилась и выросла в Ставропольском крае ... юридический институт ... кандидат юридических наук ... начинала здесь юристом 19 лет назад ... в должности заместителя уже почти 8 лет ... осуществляет общее руководство правовым управлением, управлением общего обеспечения, кадровым управлением, ЗАГСом, архивом, службой помощников ... председатель комиссий – раз, два, три, ого ... руководитель рабочих групп – раз, два, три, ё ... награды – куча разных грамот ...»

С фотографии на Ивана Васильевича уверенно, с некото-

рым прищуром, смотрела симпатичная брюнетка, сидящая за рабочим столом в своём кабинете. Руки на столе были сложены так, что сразу выдавали круглую отличницу в школе – это оставалось на всю жизнь. «Упрямая ... горячая ... знающая себе цену ... никогда не признающая, что она может быть у неё завышена ... Ох, намучаюсь!»

Крестов поднял голову от объективки и хмыкнул – в ней не хватало самого главного: Нелли Прохоровна была супругой генерального директора известного и важного федерального госпредприятия, самого крупного предприятия Среднеградска, что придавало ей особый вес среди всех шести заместителей, ни один из которых официально не назывался первым.

5

Андрюшина зашла в приёмную мэра за пару минут до назначенного ей времени и обрадовалась, что не раньше. Там на неё налетели журналисты, сосредоточившиеся здесь после общего собрания на четвертом этаже.

– Каких перемен Вы ожидаете в городском управлении в связи с переменой главы администрации Среднеградска?

– Вы надеетесь остаться в своей должности и при Крестове?

– О чём Вы сейчас в первую очередь будете рассказывать новому мэру?

– Удастся ли Крестову реализовать хотя бы частично его предвыборную программу?

Нелли Прохоровна любила и умела разговаривать с прессой, но в данный момент эти делатели новостей её раздражали и ещё больше нервировали.

– Господа, писатели! Присядьте, пожалуйста, и успокойтесь. Неужели Вы думаете, что кто-нибудь в моём положении стал бы сейчас прямо отвечать на такие вопросы? Кто из вас может попробовать мне подсказать ответ хоть на один из них? Может быть, вы мне дадите всё-таки сначала поговорить с избранным мэром.

Поддействовало: двое вернулись на стулья у стенки, а остальные пошли, видимо, на перекур.

Андрюшина глянула на часы над дверью в кабинет, потом на секретаршу:

– Оксана Валентиновна, захожу?

– Да, да, конечно, Нелли Прохоровна.

Крестов смотрел на неё и, когда они встретились взглядами, улыбнулся и ладонью правой руки показал ей на стул напротив. Андрюшина села, свет от окна помог Ивану Васильевичу прийти к выводу, что фото на объективке было примерно пятилетней давности. Но внешнее впечатление живъём было, тем не менее, почему-то лучше.

Крестов решил дать ей немного освоиться и разглядеть себя для начала:

– Нелли Прохоровна, а что там за суэта какая-то в приём-

ной?

– Журналисты, разумеется. Они теперь будут караулить всех входящих-выходящих и пытаться. Пока отбилась, но представляю, что будет, когда выйду отсюда.

Иван Васильевич взял со своего стола телефонный справочник, перевернул несколько страниц и нажал клавишу связи с приемной: «Оксана Валентиновна, соедините меня с Шапошниковой, руководителем пресс-службы».

Секунд через 10 он взял трубку телефона: «Доброе утро, Татьяна Александровна. Крестов беспокоит. У меня в приемной почему-то толпятся журналисты. Зайдите туда и сообщите им, пожалуйста, следующее.

Во-первых, приемная мэра не место для их работы.

Во-вторых, моя пресс-конференция состоится в пятницу в 180–0 здесь в зале заседаний.

В третьих, с понедельника следующей недели ежедневно в 180–0 с журналистами будут встречаться мои заместители, по очереди, а по пятницам я сам.

И, в четвертых, спросите у Оксаны Валентиновны мой сегодняшний график рабочего дня и составьте короткий пресс-релиз на сей счет не позднее 110–0. Загляните ко мне, я его посмотрю, а Вы потом его разошлете во все городские СМИ.

Ну а с завтрашнего утра это надо будет делать ежедневно. Договорились?»

Крестов положил трубку телефона и повернулся к Андрию-

пиной. На него смотрели явно удивленные и слегка встревоженные глаза заместителя.

– Иван Васильевич, лихо Вы. Но журналистов бы надо...

– Нелли Прохоровна, журналистов надо уважать, но не бояться их, а работать с ними. Как с четвертой властью. Ну, давайте знакомиться, очно теперь.

Крестов повернул на 180 градусов листочек со структурной схемой и пододвинул его Андриюшиной:

– Я бы сначала хотел кое-что точнее для себя понять в пока ещё действующей структуре нашей администрации. Во-первых, ни один из заместителей главы администрации не назван первым. Это была принципиальная позиция моего предшественника, или его не существовало только формально, а на самом деле кто-то один постоянно замещал должность главы в период его отсутствия (отпуск, больничный, командировка)?

Андриюшина ответила не сразу: то ли действительно вспоминала, от кого и почему это здесь пошло, то ли удивилась вопросу и соображала, как точнее для своего возможного будущего на него ответить.

– Иван Васильевич, это еще при позапрошлом мэре случилось, ну, то есть при предшественнике Вашего предшественника. Тогда ситуация по персональному раскладу была такая, что он решил временно не дразнить остальных, дав кому-то одному титул «первого». И потом это так и осталось, а теперь уже, можно сказать, потихоньку в традицию превра-

щается. По факту, конечно, первым был тот, кого мэр чаще всего оставлял за себя. У прошлого мэра это Базырев был.

– Да-да, нет ничего более постоянного, чем временное. Да еще и становящееся традицией. Второй структурный вопрос у меня к Вам, Нелли Прохоровна, такой: ни один из заместителей почему-то никак не поименован? Все просто заместители – без указания по каким вопросам. Не думаю, что это означает их полную взаимозаменяемость. Может быть, причина в том, что трудно коротко охарактеризовать сферу ответственности каждого. Вот название своей должности Вы бы как продолжили: заместитель по ...?

– По правовым вопросам.

– Но управление общего обеспечения, например, в такое определение вряд ли вписывается.

Нелли Прохоровна впервые взглянула на подсунутый ей Крестовым листочек со структурой администрации: по распечатанной там известной ей схеме цветными фломастерами, очевидно рукой её собеседника, были нанесены разные стрелки и знаки... «Готовился. Тщательно», – подумала Андриюшина. «Похоже придётся разговаривать на сей счет всерьёз. Ну ладно – заодно и знания его прощупаем, да и характер проявится неизбежно». Она кашлянула, почувствовала, что он смотрит уже на неё, а не на структурную схему, и подняла свои глаза на начальника. Секунд 15 они смотрели друг на друга. Но говорить-то была её очередь...

– Видите ли, Иван Васильевич, когда сочиняется структу-

ра администрации, бывает очень трудно соблюсти теоретическую чистоту из-за наличия в реальной жизни разных никуда не пристраиваемых фактов.

– Нелли Прохоровна, один известный философ, Гегель его фамилия, говаривал: «Если факты противоречат моей теории, тем хуже для фактов». Видите ли, структуру администрации надо не сочинять, а разрабатывать, соблюдая определённые принципы. Ну да ладно пока, мы к этому еще чуть позже вернёмся.

Последнее предложение Крестов сказал уже из миролюбивых соображений, которые возникли у него в связи с появлением нескольких красных пятнышек на шее Андрюшиной, а это ведь верный признак свирепения любой женщины. Но спохватился он поздновато уже.

– Знаете ли, Иван Васильевич, дед мой по отцовской линии сельским лекарем был. Так вот, он частенько вслух по разным поводам любил один врачебный принцип произносить: «Не навреди!»

– А помните, Нелли Прохоровна, как в «Иронии судьбы» Андрей Мягков Барбаре Брыльске говорил, что хирургам часто приходится делать своим пациентам больно, чтобы потом им было хорошо.

– Так Вы, Иван Васильевич, хирургом пришли к нам работать?

Крестов искренне расхохотался – остроумие в людях он ценил очень высоко. Он видел, что пятнышки на шее стано-

вятся пятнами, но это его не остановило – со своим полеми-ческим азартом Иван Васильевич научился справляться во-обще-то уже давно, но получалось ещё не всегда, даже когда было очень целесообразно.

– Э нет, Нелли Прохоровна, запомните на ближайшие 5 лет: я не к вам, местным старослужащим, пришёл работать. Я сюда пришел на горожан работать, и всех вас на такую же работу организовывать.

– Ну, горожане-то нас, чиновников, можно сказать, и за людей-то не считают. Вы тоже?

– А я себя от жителей города не отделял, не отделяю и не собираюсь отделять. И так же как они, людьми считаю только тех чиновников, которые, став чиновниками, не перестали быть людьми.

Шея Андрюшиной стала красной вся – Крестов понимал, что надо срочно снять совсем незапланированное им такое напряжение в самом начале разговора с самым первым (по алфавиту, конечно) замом.

– Хорошо, Нелли Прохоровна, будем считать, что мы раз-мялись и немного познакомились. Вообще-то у меня сегодня ко всем заместителям главы одни и те же вопросы. Их три. Сначала расскажите коротко, но понятно, каким Вы видите наш Среднеградск через 5 лет, т.е. к окончанию моего срока полномочий. Потом изложите свое представление о том, что должна сделать городская администрация в течение этих 5 лет, чтобы город стал таким, каким Вы его видите. И в за-

ключение, сформулируйте, что и как Вы лично собираетесь делать, если я Вас оставлю в должности, в течение этих 5 лет, чтобы городская администрация смогла сделать все, что Вы сейчас расскажете, и город стал таким, каким Вы его видите. У нас с Вами сейчас на весь разговор 45 минут времени. Пожалуйста, я Вас слушаю.

Андрюшина тоже понимала, что надо бы успокоиться и войти хотя бы формально в разговорный жанр «начальник – подчинённый». Ещё в институте в какой-то книжке по психологии она прочитала, что в подобных ситуациях помогает такой простенький приём: произнеси про себя (максимально нейтрально!) пять подходящих твоему сложному собеседнику определений, а уже потом реагируй вслух. «Теоретик – раз. Философ – два. Идеалист – три. Зазнайка – четыре.» ...

– Может, я задал слишком сложные для Вас вопросы? – прервал её психологическое упражнение слегка насмешливый, голос нового мэра. – Тогда попробуем начать издалека. Какой город Вы бы назвали идеальным?

– Угрюм-Бурчеева, – выпалила Андрюшина вслух. А про себя добавила: «Пять». Короче, не помогло упражнение.

Крестов расхохотался опять, но, прямо скажем, без предыдущей степени искренности: этот продукт её остроумия показался ему острым, но не умным, а просто злым.

– Но это, Нелли Прохоровна, означает ведь ещё и то, что Вы наш Среднеградск считаете Глуповым. Обидно ведь для горожан-то наших. М-да-а, а вот эту фразу я запомнил на-

изусть с девятого класса: «Еще задолго до прибытия в Глупов, он уже составил в своей голове целый систематический бред, в котором, до последней мелочи, были регулированы все подробности будущего устройства этой злосчастной муниципии». Любите очень Михаила Евграфовича?

– Какого ещё Михаила Евграфовича?

– То есть как это какого? Салтыкова-Щедрина, конечно, того самого, который отец Угрюм-Бурчеева.

Андрюшина посмотрела на Крестова, но, встретившись с его откровенно смеющимися над ней глазами, сразу перевела свой взгляд на окно и свежевскопанную клумбу перед зданием администрации, слегка побледнела в лице, затем почти сразу густо покраснела, а потом, совершенно неожиданно для себя, не говоря уже об Иване Васильевиче, заплакала. Нет, не навзрыд, разумеется, но явно не по-женски (то есть, управляемо-самонаблюдаемо) – слезы текли по-настоящему. Она снова взглянула на него, попыталась улыбнуться, но от явной неудачности этой попытки слезы потекли сильнее, она всхлипнула и по-детски шмыгнула носом.

Крестов улыбнулся (слегка озадаченно, но весьма доволь-но), достал отутюженный носовой платок из кармана пиджака, положил его перед Андрюшиной и подобревшим голосом сказал: «Ну, Нелли Прохоровна, это совсем даже не профессиональный подход».

Потом он вышел в комнату отдыха и почти сразу вернулся, но уже с бутылкой массандровского хереса и рюмкой.

Любимым фильмом Крестова была михалковская «Неоконченная пьеса для механического пианино» и со времени его первого просмотра он взял из него себе на вооружение этот рецепт доктора Трелецкого для лечения легких расстройств тонких женских организмов. Иван Васильевич жил на свете уже шестой десяток лет и понимал, что в предстоящих беседах с почти сплошь женским составом городской администрации подобные легкие расстройства неизбежны хотя бы по статистике. Поэтому микстуру Трелецкого он предусмотрительно утром взял из домашнего бара и сунул в портфель, а придя в кабинет, переставил в сейф. И, ё, она пригодилась сразу. По теории вероятности и такое возможно.

Крестов поставил рюмку перед Андрюшиной, налил до половины и процитировал чеховского доктора: «Это надо лечить хересом.»

Удивление Нелли Прохоровны действиями мэра, за которыми она всё-таки наблюдала сквозь слёзы, было столь велико, что они почти сразу и литься перестали.

– Я одна не пью. Даже в лечебных целях.

Крестов вздохнул, принёс вторую рюмку, налил столько же себе.

– Ну, давайте тогда уж за знакомство что ли и выпьем. Но рекомендую: лечебный эффект лучше достигается, если пить не торопясь маленькими глотками.

Они даже чокнулись почти беззвучно. И стали пить.

Андрюшина решила повторить психосамонастройку, но

модернизировала её процесс: после каждого прилагательно-го надо делать глоточек. Крестов всегда потреблял свой любимый херес малюсенькими глоточками с паузами. И как-то само собой получилось, что их глотки следовали одновременно. Соответственно и мысли синхронизировались.

– Это же лошадь. Конь на шахматной доске.

– Зазнайка – раз.

Глоточки. Пауза.

– А лошади скачут буквой Г, ты что, Ваня, забыл.

– Литературовед – два.

Глото-о-о-чки и па-а-уза.

– Необъезженная совсем что ли. Ведь замужем, двое детей, здесь уже 19 лет.

– Пьяница – три.

Пауза подольше и глоточки побо-о-льше.

– Видимо несчастна и наглость использует как второе счастье.

– Теоретик – четыре.

Глоточки и-и-и пауза.

– Угрюм-Бурчеевым обзывается, а сама имя-отчество автора не знает.

– Идеалист – пять.

Хереса как раз на пять глотков-определений и хватило.

«Это Массандра!» – с восклицательным знаком произнёс Иван Васильевич, взял рюмки, бутылку и отнёс всё назад в комнату отдыха. Глянул там на себя в зеркало и подмигнул:

«Ну что, будем объезжать лошадку.»

Крестов вернулся, сел напротив.

– Нелли Прохоровна, I hope you are okay now. Пожалуй, нам лучше сделать пока небольшой перерыв. Я ведь еще ничего и не сказал из того, что хотел, но Вы сейчас слишком напряжены. Это объяснимо и ничего страшного. Давайте вот как мы поступим. Поскольку Вы «сэкономили» мне целых 30 минут, то всё сейчас на них я и сдвину. А в половину первого возвращайтесь – нам обязательно надо договорить. Окей?

– Ну, давайте так.

Андрюшина встала и быстро вышла из кабинета.

«Полиглот – шесть», – захлопнула она дверь приёмной мэра.

6

Крестов связался с секретарём:

– Оксана Валентиновна, позовите следующего, а то у нас с Нелли Прохоровной перерыв потребовался.

– Иван Васильевич, а Ивин подъедет только к 101–5, как я ему назначала. Может быть тогда Привалова пригласить – он просился пораньше, если получится, а то у него какое-то выездное мероприятие сразу после обеда.

– Ну, давайте Привалова. И тогда график по остальным корректируйте дальше. Только учтите, что Андрюшина должна вернуться в 123–0.

Крестов положил перед собой «объективку» на Привалова.

«Маска, мы тебя знаем. Алексей Романович ... 58 лет ... родился и вырос в Оренбургской области ... педагогический институт ... в должности заместителя уже почти 18 лет ... Общее руководство: ... образование ... культура ... здравоохранение ... спорт ... молодежь ... опека ... несовершеннолетние ... общественные связи ... Председатель: совет по образованию; раз, два, ... девять координационных советов; раз, два, ... семь комиссий; так, ещё четыре рабочие группы, экспертный совет, оперативный штаб ... М-да-а. Ё-ё-ё.»

Алексей Романович Привалов так до момента захода в кабинет мэра и не определился окончательно с тактикой своего поведения в разговоре с Крестовым: он опять не понимал чего-то важного в этом человеке, которого знал уже очень давно – с момента его приезда в Среднеградск из Новосибирска молодым специалистом. Привалов, будучи уже тогда не последним человеком в идеологическом отделе горкома КПСС, курировал и городское отделение всесоюзного общества «Знание», а с недавно влившимся в ряды лекторов общества Ваней Крестовым почти сразу стали возникать некоторые закавыки. Вся последующая биография Ивана Васильевича была хорошо известна Алексею Романовичу. «Зачем он вернулся в это здание?» – в который раз спрашивал себя Привалов и не мог дать понятного ему самому ответа на свой вопрос.

– Доброе утро, Иван Васильевич.

– Доброе. Проходите, присаживайтесь.

Секунд 10 Крестов молчал, рассматривая старого знакомого. «Постарел, конечно, сильно. Но держится. Ухаживает за собой. Да и за ним тоже. И не одна. Партийные привычки – это на всю жизнь.»

– Алексей Романович, у меня сегодня ко всем заместителям главы одни и те же вопросы . . . , – воспроизвел дословно Крестов свой текст Андрюшиной.

– Иван Васильевич, у нашего города есть утверждённая думой стратегия развития до 2030 года, которая разработана с учетом и ожиданий жителей, и возможностей городской экономики. Кое-что уже сделано, многое делается, ещё больше предстоит сделать. Важно, конечно, преемственность обеспечить и, как минимум, ничего не испортить в будущем из того хорошего, что сделано в прошлом, – как-то монотонно-заученно начал было излагать Привалов, но почувствовал, что зря это он так здесь и сейчас.

Тут-то Алексей Романович и определился окончательно с тактикой своего поведения в этом разговоре: заходить на такой большой круг, а потом класть заявление на стол, было и неразумно, и нетактично. Поэтому он замолчал, поёрзал слегка на стуле, прокашлялся и продолжил:

– Иван Васильевич, мы ведь друг друга знаем очень давно. Поэтому я буду с Вами предельно откровенен. Мне нравится моя нынешняя работа, я уверен, что мы бы с Вами срабо-

тались, я бы, конечно, мог сейчас ответить на Ваши вопросы, но ... Возраст. Возраст, Иван Васильевич. Мне совсем не хочется отягощать Вас уже через два года проблемами с продлением моего контракта. Мне кажется, нам с Вами рациональнее сразу определиться с моей диспозицией на весь Ваш срок полномочий.

– Алексей Романович, мы действительно давно и достаточно хорошо знаем друг друга. Поэтому я понимаю, что у Вас есть совершенно конкретные предложения по поводу Вашей диспозиции на мой срок полномочий. Давайте, выкладывайте их.

– Иван Васильевич, тут, собственно, два предложения, связанных друг с другом, имеются. Первое и вправду очень конкретное – я написал Вам заявление об увольнении по собственному желанию.

Привалов достал из своей папки лист и положил его перед Крестовым.

Крестов взглянул на заявление и начал гипнотизировать собеседника.

– Не могу пока среагировать. Нужно увидеть или услышать второе предложение. Они же связаны между собой, Вы сказали.

– Иван Васильевич, я бы еще хотел поработать на ниве городской культуры, хотя в принципе уже три года как пенсию положенную могу оформить – льготы у меня имеются. Может быть, Вы сочтете необходимым и полезным использова-

ние моего опыта на достойной должности в одном из муниципальных учреждений культуры.

– Алексей Романович, не надо лишних экивоков. И это предложение ведь у Вас, наверняка, очень конкретное. Вот и конкретизируйте его.

– Конечно, конечно. Вы же, разумеется, знаете, Иван Васильевич, что у нас в первом квартале следующего года строители сдают новый городской Дворец культуры.

– Да, в курсе. Но это ведь вовсе не означает, что под него нужно создавать новое муниципальное учреждение с директорской должностью и со всей остальной атрибутикой нового юрлица. Новый ДК вполне можно поставить на баланс имеющегося учреждения (кажется, «Муниципальная филармония» оно называется), которое, кстати, вероятно и курирует строительство ДК.

– Конечно, конечно, Иван Васильевич, так и есть. Но Вы же понимаете, что с вводом нового ДК объём работы филармонии, а еще точнее – содержание её деятельности, существенно изменятся. И в таких случаях принято укреплять, так сказать, руководство. И так всё удачно складывается, что и контракт с директором филармонии истекает в этом году...

– Ну вот: теперь всё предельно ясно. И оба предложения. И связь между ними, – рассмеялся Крестов. – Хотя, пожалуй, про связь еще не совсем. То есть, если, например, я не соглашусь с Вашим тезисом о необходимости укрепления руководства в таких случаях, то тогда и этот листочек Вы

снова в свою папку заберете?

Привалов чуть побледнел и с ответом запаздывал. Но выручила партийная выдержка и выучка: он сумел и субординацию соблюсти, и мостов за собой не сжечь.

– Иван Васильевич, богатый жизненный опыт мне подсказывает, что мои уточнения тут уже не нужны. Нужно Ваше решение. Исходя из Ваших планов работы и их кадрового обеспечения.

– Давайте тогда так, Алексей Романович. Заявление свое Вы сейчас возвращаете в свою папку. Вы ведь всё равно там предусмотрительно еще и дату не поставили. Работаете пока в должности зама – примерно до февраля. До конца года, я надеюсь, будет утверждена новая структура администрации. В январе уже начнём проводить конкурсы на должности в ней. В январе же объявим конкурс и на замещение должности директора филармонии. Вот Вы сами и выберете – в каком конкурсе участвовать. Договорились?

Привалов понял, что вариантов ему других предложено не будет. Взял заявление, положил в папку, застегнул её – этой паузы хватило, чтобы справиться с обидой.

– Иван Васильевич, а Вы заметно помудрели – очень рациональное предложение. Принимается.

– Ладно, давайте завершать наш сегодняшний разговор. В следующий понедельник я буду проводить сразу после обеда первое заседание коллегии городской администрации. Задача Вам, как члену коллегии, такие:

подготовить проект положения о коллегии;

подготовить проект изменений действующей структуры администрации;

подготовить план инвентаризации социальной сферы города.

Если Вы сейчас хотите задать уточняющие вопросы, то не стоит. Мне надо увидеть, как Вы сами это всё понимаете без моих уточнений. Хорошо? – загрузил Крестов зама.

– Ясно, Иван Васильевич. А хорошо ли я справился с этими заданиями, Вам судить, в понедельник, на первом заседании коллегии.

Привалов держался стойко, хотя чувство неожиданного и обидного поражения в только что состоявшейся шахматной партии уже дало о себе знать в еле заметных капельках пота, проступивших на его подбородке и переносице.

7

100–0. На Привалова ушло тоже только 15 минут. Крестов решил использовать момент и размять ноги. «Пройдусь по зданию», – ответил он на удивлённый взгляд Оксаны. На прогулку по коридорам четырёх этажей Иван Васильевич потратил 12 минут. На 2-м этаже ему приходилось довольно часто отвечать на удивлённо-настороженные «Здравствуйте». На 3-м уже меньше. На 4-м в коридоре не было никого – внутренняя коммуникация о передвижениях «Самого» ра-

ботала неплохо. На всех дверях были только номера. Стены почти все стояли голенькими, в смысле никакой почти стеновой информации на них. Но общее состояние коридорного вида на здание было неплохим: ничего облупившегося, покоробившегося, протекшего. Правда цветовая гамма действовала тоскливо. Короче, пару-тройку лет ремонта можно не делать.

– А я чай приготовила, Иван Васильевич, – радостно сообщила Оксана вернувшемуся Крестову. Она понимала, что недавно совсем её подопечный кофе пил, но чайных мотивов у неё было целых два: во-первых, у подопечного что-то не шли (судя по хронометражу) разговоры с замами и его стоило как-то подбодрить, а во-вторых, следующим ведь был Ивин.

– Правильное предложение: не отказываюсь, – сообщил Крестов, фиксируя про себя психологическую проницательность своего секретаря. – Но давайте я тогда его попью вместе со следующим замом.

Антон Леонтьевич Ивин зашел в приёмную почти сразу, как только мэр прошел в свой кабинет.

– Оксаночка, как Ваше утреннее настроение?

– Нормально-бодрое, Антон Леонтьевич.

– Можно заходить?

– Секундочку, я вот сначала чай Вам накрою, а потом и войдёте.

К чаю она подала любимые Антоном Леонтьевичем рога-

лики с маком. Ивану Васильевичу было всё равно: с чаем он мог есть любую свежую мучную вкусность – рогалики, так рогалики.

Пока Оксана расставляла-разливала, Крестов просмотрел очередную «объективку».

«Так: архитектура, строительство, имущество и земля. Ого – три экономических специальности в одном университете. Поработал и в коммерции, и в профильном министерстве Приокской области.»

Ивин осторожно, с почтением, открыл дверь и тихим голосом, с хрипотцой спросил:

– Иван Васильевич, можно?

– Заходите, заходите.

Крестов оценивающе наблюдал за вошедшим: высок, спортивно сложен, молод – на вид слегка за сорок (а не под пятьдесят, как в «объективке»), модно одет, стильно причёсан... . Ему вид этого зама не понравился – наверняка портит рабочее настроение у местных дам, которые, видимо, в большинстве своем обожают этого красавчика, но еще больше – у местных мужчин: те невольно сравнивают с собой и проигрывают в своих глазах, не говоря уже о глазах тех самых дам.

Ивин сел напротив и с выражением полной готовности разговаривать на любые заданные ему темы ждал.

– Антон Леонтьевич, тут Оксана к Вашему приходу чай соорудила. С него и начнём.

Съели по рогалику, выпили по полчашки. Крестов рассматривал Ивина, а Ивин рассматривал листочек со структурной схемой, вернее пытался понять, что на ней означают разные цветные пометки. Видно было, что аппетит у Антона Леонтьевича был не очень – не жуётся, а волнуется, ждётся, гадается – поэтому Иван Васильевич решил, что по рогалику и по полчашки, пожалуй, и достаточно.

– Ладно, давайте знакомиться. У меня сегодня ко всем заместителям главы одни и те же вопросы. Их три. Сначала расскажите коротко, но понятно, каким Вы видите наш город через 5 лет, т. е. к окончанию моего срока полномочий. Потом изложите свое представление о том, что должна сделать городская администрация в течение этих 5 лет, чтобы город стал таким, каким Вы его видите. И в заключение, сформулируйте, что и как Вы лично собираетесь делать, если я Вас оставлю в должности, в течение этих 5 лет, чтобы городская администрация смогла сделать все, что Вы сейчас расскажете, и город стал таким, каким Вы его видите. У нас с Вами на этот разговор 45 минут времени. Пожалуйста, я Вас слушаю, – опять повторил Крестов свой текст Андрюшиной.

– Иван Васильевич, у Среднеградска есть стратегия развития до 2030 года, которая разработана с учетом и ожиданий жителей, и возможностей городской экономики, – осторожно начал Ивин почти точно так же, что и Привалов.

Крестов не выдержал и засмеялся:

– Да, да, я уже слышал про это от Алексея Романовича

только что и теми же словами. Вы, наверное, тоже считаете, что главное, что мне предстоит сделать за предстоящие пять лет – ничего не испортить из того, что уже сделано. Правильно?

– Иван Васильевич, ну зачем Вы так? Просто мы ведь на разных совещаниях неоднократно вместе обсуждали и саму стратегию, и процесс её реализации. Поэтому и неудивительно, что теперь говорим об этом одинаково. А что касается «ничего не испортить», то я считаю, что Вам за эти пять лет надо всё сделать лучше. И не исключаю, что для этого нужно будет кое-что и испортить из того, что уже сделано. Испортить – в смысле сделать, конечно, в соответствии со стратегией, но по-другому, – почти искренне, от неожиданного поведения нового мэра, заявил Ивин.

– Вот как. И почему же надо по-другому? – тут же схватил его за язык Крестов.

– Да потому что то, как кое-что сделано, работает не очень уже.

– Например, что Вы сейчас имеете в виду?

– Да могу сказать даже и не например, а в целом. Вот мы как мантру повторяем, что стратегия учитывает и ожидания жителей, и возможности городской экономики, а стратегия-то разрабатывалась 5 лет назад и была принята 4 года назад. Но за это время и ожидания жителей, и возможности городской экономики могли ведь измениться. Да что я говорю – могли: изменились, не могли не измениться, хотя бы

из-за произошедшего общего кризиса, из которого мы так и не вылезли, мы просто к нему привыкли-притерпелись. И если возможности городской экономики мы еще худо-бедно мониторим, то ожиданиями жителей, по большому счету, не занимаемся, а если совсем честно – и не умеем ими заниматься-мониторить.

Антон Леонтьевич замолчал, вернее, заставил себя замолчать, сначала удивившись, а потом испугавшись, своей откровенности. Но было уже поздно – Крестов начал раскрывать Ивина дальше-глубже. Иван Васильевич повернул к себе стоявший на столе ноутбук и толкнул клавишу пробела, чтобы разбудить уже уснувший монитор. Но Ивину было не видно, что там открыл себе Крестов.

– А генеральный план города и вовсе десять лет назад утвердили. Конечно, пять лет назад его корректировали, но исключительно косметически-юридически – приводили в соответствие с изменениями в законодательстве. Правда я, когда читал стратегию, ни одного упоминания там про генплан и не встретил, – скучным тоном произнёс Иван Васильевич и перевёл глаза с монитора на Антона Леонтьевича. Но в глазах его была вовсе не скука, а вопрос с подвохом к заму бывшего мэра.

– Иван Васильевич, и стратегия, и тем более генплан разрабатывались и утверждались даже и не при вчерашнем мэре, а при позавчерашнем. Меня в то время и в городе-то еще не было, не то, что в администрации, – начал окапываться

Ивин. – Я ведь в этой должности всего три года тут.

– А в приложениях к стратегии я не увидел результатов целевых опросов жителей Среднеградска, да и в самом тексте стратегии я не увидел ничего про опросы на тему этих самых их ожиданий.

– Иван Васильевич, так я же Вам уже сказал ...

– Ну, хорошо. Давайте тогда Вы мне расскажете, что и как в эти три года делалось администрацией в целом и Вами непосредственно для реализации этой самой стратегии, – озадачил Крестов зама вчерашнего мэра.

8

В еженедельном журнале «Городничий» – самом тиражном и влиятельном СМИ Среднеградска – заседания редколлегии проходили по понедельникам с 100–0. Редколлегия, это, конечно, громко сказано. Штатных журналистов там было всего двое, да плюс главный редактор – вот втроем и соображали обо всём.

– Опаньки, а ты-то чего не в мэрии? Договаривались же еще в пятницу – не вылезай оттуда до Нового года, – сходу налетела Наталья Германовна Кошёлкина, главный редактор «Городничего», на Василия Генриховича Замоилова, «политического обозревателя» (так проходила его должность по штатному расписанию редакции) журнала.

– А новый мэр всех выгнал из своей приёмной и велел

нам до пятницы в мэрии и не появляться, – профессионально оформил информацию пресс-службы городской администрации самый скандально известный журналист Среднеградска.

– Так, Василий, опять! Ну, здесь-то и нам-то, зачем твоя сгущёнка, ты же не заказную статью пишешь, а с коллегами разговариваешь, – усталым голосом произнесла Нонна Савельевна Червоных, «социальный обозреватель» по редакционному штату. – Мы Крестова по-разному можем называть, но идиотом он никогда не был и вряд ли им успел стать через день после инаугурации. Говори голые факты без своих сгустков.

– Ну, что. После общего собрания на четвёртом этаже мы все пошли в приёмную мэра, чтобы замов попытать на входе и выходе – нам Оксана сказала, что они все по алфавиту к Крестову на 45-минутные разговоры вызваны. Но смогли только Андриюшину на входе обстрелять, да и то вхолостую – она нас послала. Ну, в смысле, сказала, чего напали, дайте сначала хоть поговорить с начальником. А потом пришла пресс-шапка и сообщила, что все свободны, и в приёмной у мэра собираться больше совсем не надо: Крестов, видите ли, считает, что это не место для нашей работы. Ну и добавила ещё, что мэр с прессой по пятницам будет специально общаться, а в остальные будние дни его замы по очереди. Обещала после 110–0 разослать всем пресс-релиз с графиком дня Ивана Васильевича и будет это делать каждый его

рабочий день. Вот и всё.

– Вот всё и понятнее теперь. И проще. Да и правильнее, пожалуй, – примиряющим тоном произнесла Наталья Германовна. – Вывод простой сделал? Ты каждый день должен быть теперь на этих встречах мэра и его замов, как минимум, с диктофоном.

– Да этот порядок только с этой пятницы начнётся.

– Вот с этой пятницы и начинай. И с диктофоном – понял? Чтобы в редакционном архиве все аудиофайлы этих встреч были от и до. И я тебя очень прошу, нет, я тебя официально предупреждаю, на заседании редколлегии (не полнюсь, запротоколирую это, потом ещё распишешься): напишешь что-нибудь эдакое, что не сможешь при необходимости подтвердить аудиозаписью, я тебя точно тогда уволю, – теперь уже непонятно для Василия Генриховича нервным тоном продолжила Кошёлкина. Самая молоденькая из троих собравшихся (только что за сорок по паспорту, но не больше тридцати трёх по первому внешнему впечатлению ввиду её стройности и общей ухоженности), Наталья Германовна попыталась превратить своё почти красивое лицо в грозную физиономию свирепого редактора.

– Наташ, ну зачем ты опять? Что я, маленький что ли?

– Не маленький, а удаленький. Частенько. Чересчур. Ладно, когда мэр со СМИ встречается?

– В 180–0.

– Значит оставляем тебе две первых полосы номера. До

240–0 пятницы чтобы отправил текст макетировщице. Нонна Савельевна, Вы планируете что-то о Крестове написать в этот номер?

– Он сегодня вечером у прокурора совещание всех городских силовиков собирает. С места в карьер, так сказать. А я сегодня напросилась с Давыдкиным пообедать – вот уже и узнаю что-нибудь ценное ещё до их встречи. Ну, а после совещания до пятницы хочу с каждым отдельно поговорить об его итогах. Если удастся, то и с мэром тоже. Так что в любом случае минимум на 3 полосы материал будет.

– Очень хорошо. Этих двух муниципальных материалов для начала будет вполне достаточно. Давайте теперь тогда информационные материалы в номер спланируем, – перешла к более спокойным и прибыльным делам редактор «Городничего».

Информационными материалами они называли заказные статьи на разные темы. У каждого из троих имелось по несколько постоянных псевдонимов. За каждым псевдонимом было закреплено определённое тематическое направление. Оплата статей, естественно, через бухгалтерию не проводилась, но тарифы были ими установлены и согласованы между собой и доведены до сведения всех потенциальных заказчиков. Доходы от такого журналистского труда они называли премиальным фондом, который распределялся между членами редколлегии по справедливости, то есть в пропорции 3:2:1. Три части, конечно, редактору, две – «социаль-

ному обозревателю», а одна – «политическому обозревателю». Замойлов на самом деле считал этот расклад правильным, поскольку Кошёлкина и Червоных были к тому же и учредителями «Городничего». Да они ведь ещё и подобрали его после того, как он в очередной раз был уволен из ещё одного городского СМИ. И терпят его уже пятый год, а для Василия Генриховича, в его чуть-чуть неполные 48 лет, это был абсолютный рекорд длительности пребывания на одном творческом рабочем месте.

9

– Вот, пожалуй, и всё, что я могу Вам сообщить на заданную Вами тему, – закруглил Ивин рассказ о своей деятельности на поприще реализации стратегии социально-экономического развития Среднеградска.

– Так, Ваше видение ситуации мне примерно понятно, и позиция Ваша на собственный счет ясна: в этом костюме Вы отвечали за пуговицы, а они пришиты насмерть – не оторвешь. Правильно? – подначил его Крестов.

– Иван Васильевич, я как-то не очень Вас сейчас понимаю, – с прорвавшейся через контроль обидой в голосе протянул Антон Леонтьевич.

– Да ладно, шучу. Аркадия Райкина не помните что ли? Его «Кто сшил костюм» видели? – успокаивающе отреагировал Крестов.

– Какой костюм? – с не пропадающей, а возрастающей обидой, спросил Ивин.

– Вечером дома наберите в Яндексе «райкин кто сшил костюм» и посмотрите видео. Посмеётесь и всё поймете. Мне еще интересно, что Вы скажете о разработчике этой стратегии.

– Так там же все данные о нём имеются...

– Все?

– А что Вы сейчас имеете в виду?

– Ну, например, знаете ли Вы, что в этом столичном стратегическом центре председателем правления является один из очень крупных российских банкиров, весьма приближенный к президенту страны?

– Иван Васильевич, я эту тему так глубоко не копал в таком направлении ...

– И зря. А исполнительным директором в центре является то ли однофамилец, то ли родственник этого банкира.

– Иван Васильевич ...

– Я вчера зашел к ним на сайт: они там с гордостью объявляют о заключении государственного контракта на разработку очередной стратегии очередного российского города с администрацией этого города. Чувствуете: они муниципальный контракт с государственным контрактом не различают, но стратегии для муниципалитетов пишут.

– Иван Васильевич, если Вы сейчас меня начнёте спрашивать, почему именно этот центр делал нам стратегию, сколь-

ко стоила её разработка, и почему столько, то я Вам ведь всё равно не отвечу. Я же уже Вам говорил, когда это всё определялось, заключалось и разрабатывалось, меня в городе ещё не было даже. Да и зачем Вам ворошить дела позавчерашнего мэра. Мне кажется, что Вам сначала надо бы переворошить дела вчерашнего мэра. Я почти уверен, почему-то, что на это уйдет немало сил и времени.

– Ну, ладно, Антон Леонтьевич, не буду Вас больше мучить на сей счёт: понимаю, что бесполезно.

Крестов вернул ноутбук в прежнее положение, провернул на столе листочки со структурой городской администрации и с объективкой на Ивина и как бы их просматривал, пока не убедился, что Антон Леонтьевич увидел, что там на них. Тогда Иван Васильевич поднял голову и молча посмотрел прямо в глаза Ивину, который, в конце концов, не выдержал и отвел свой взгляд – на висках у зама появились капельки пота.

– Уже больше 10 лет назад мэры успешных европейских городов пришли к выводу, что одним из необходимых условий успешности города является следующее: не менее 1% жителей города должны быть лидерами не только по своему духу, но они должны и вести себя по жизни как лидеры. Как Вы думаете, в Среднеградске сколько лидеров? – продолжил разговор Крестов.

– Иван Васильевич, Вы всерьёз полагаете, что европейские мерки стоит применять к нашему городу?

– Антон Леонтьевич, я всерьёз полагаю, что Среднеградск можно будет считать городом только тогда, когда он будет соответствовать европейским меркам. Так сколько?

– 1% для нас означает почти 2 тысячи человек. Я думаю, что в Среднеградске и сотни-то лидеров не наберется.

– У одного французского писателя прошлого века есть фраза: «Он говорил о своем городе, что в нем 15000 жителей, но не более 300 душ». Сразу вспомнилась из-за такого Вашего ответа. И что из него, по-Вашему, следует?

– Среднеградск не обладает одним из необходимых условий успешности города.

– И всё?

– Иван Васильевич, а что я тут еще могу сказать. Это правда.

– Антон Леонтьевич, а я тут могу сказать, что одна из главных наших с Вами задач в нынешней ситуации состоит в том, чтобы создать в городе такую критическую массу лидеров: выявлять их, поддерживать, давать возможность реализовывать свои инициативы, заманивать к нам из других городов. Ощущаете разницу между нашими взглядами на отсутствие в Среднеградске одного из необходимых условий успешности?

– Иван Васильевич, сейчас еще можно обменяться анекдотами про разницу между оптимистами и пессимистами.

Крестов засмеялся. Ему нравилось, что Ивин временами становится самим собой и тогда в кабинете появляется ин-

интересный собеседник.

– Ну, хорошо, давайте завершать наш первый разговор.

В следующий понедельник я буду проводить сразу после обеда первое заседание коллегии городской администрации. Задания Вам, как члену коллегии, такие:

подготовить проект положения о коллегии;

подготовить проект изменений действующей структуры администрации;

подготовить план инвентаризации муниципального имущества.

Понимаю, что Вы сейчас начнете задавать уточняющие вопросы. Не задавайте. Мне важно увидеть, как Вы сами это всё представляете без моих уточнений. Договорились? – точно так же загрузил Крестов и этого зама.

– Тестируете, Иван Васильевич. Ну и правильно. В следующий понедельник увидите, как я это всё представляю, и сделаете выводы, – совсем уже обрел себя Ивин и направился к двери, которая вдруг распахнулась, и Оксана нерешительно переступила через порог кабинета. Антон Леонтьевич вышел, а она, прикрыв дверь, сообщила:

– Уже третий раз звонит генеральный директор НПО «Новые материалы и технологии» Красавченко, он уверен, что Вы на месте, говорит, что Вы меня простите, если я Вас с ним соединю, и, похоже, начинает обижаться. До Сафина еще 5 минут есть – может быть, поговорите?

– Да, Оксана Валентиновна, соедините, а то он точно оби-

дится, – вздохнул Крестов.

Иван Васильевич и Игорь Вячеславович начинали почти параллельно в этом НПО молодыми специалистами – Красавченко в конструкторском отделе, Крестов в научной лаборатории. Почти 10 лет в одном общежитии, минифутбол, колхоз, дни рождения всякие... Точно обидится...

– Привет, Игорь. Да ты уже третий раз поздравляешь. Ну, хорошо, теперь с первым рабочим днём. Ой, прямо сразу и на приём захотел. Зачем так официально? Так вас всё-таки решили для начала акционировать. Давай с этого места поподробнее, чтобы до нашей официальной встречи у меня в подкорке эта тема уже покрутилась.

10

Сафин сидел уже напротив Крестова, а он всё никак не мог закончить разговор с Красавченко. «Ладно, Игорь, общая ситуация мне понятна, а о нюансах расскажешь на следующей неделе, ориентировочно во вторник. Договорились? Нет, всё-всё-всё. Больше не могу, пока», – Иван Васильевич положил трубку и виновато посмотрел на Сафина: «Добрый день, Александр Мартынович. Еще минуточку, потерпите».

Крестов взял «объективку» на Сафина и как бы просматривал её.

«... родился и вырос в Среднеградске ... инженерное образование, но потом столичная академия народного хозяй-

ства ... под ним финансы, экономика да плюс контрольно-ревизионное управление ...»

На самом деле он знал этот текст наизусть. Дело было в том, что против него сейчас сидел фактический, или грамотнее будет сказать, неформальный мэр Среднеградска, правивший городом последние полтора года. Два года назад, когда губернатор Приокской области Пётр Никифорович Ростов совсем уже разочаровался в Юрии Владленовиче Дьяконове, теперь уже прошлом мэре, Сафина внедрили в замык Дьяконову. Несколько последовавших затем душевных бесед между Петром Никифоровичем и Юрием Владленовичем привели к тому, что через полгода почти все ключевые вопросы управления городом были сосредоточены в должностных обязанностях этого зама.

«... руководитель координационного штаба по организации стратегического управления в городе ... председатель Общественного Совета по реализации Стратегии социально-экономического развития Приокской области на период до 2030 года ...»

Ну и что было Дьяконову делать? Что советовал Ростов, конечно же. Сафин ведь был не просто протеже губернатора. Александр Мартынович был ещё и двоюродным (но зато единственным) братом Людмилы Прокофьевны Романовой, уже третьей по счету жены Петра Никифоровича. А надо заметить, что разница в возрасте у Ростова с женами была прямо пропорциональна их порядковым номерам. И не только

разница в возрасте, но и степень влияния жены на мужа тоже. Так что Сафин, как только Романова вышла за Ростова, через три месяца из замначальника сектора неналоговых доходов бюджета стал сразу начальником финансового департамента администрации Среднеградска (это в двадцать семь всего годиков-то) еще при позапрошлом (это относительно Крестова, конечно) мэре.

«... председатель комиссии по рассмотрению результатов реализации ведомственных и долгосрочных целевых программ ... председатель экспертного совета по вопросам определения целесообразности предоставления субсидий из городского бюджета ...»

Когда на предыдущих выборах Дьяконова с подачи губернатора выбрали «как из пушки» главой Среднеградска, Александра Мартыновича назначили руководителем департамента экономики Приокской области. Ну а потом Юрий Владленович не оправдал доверия Петра Никифоровича, и Сафина приставили к Дьяконову. Все думали, что на очередных выборах это и будет главный, то есть губернаторский, кандидат в мэры. Но Среднеградск был второй по величине, а в целом вполне равный Приокску по значимости город в области, и Ростов решил подстраховаться. Сафина сохранили в замах («Молодой еще, успеет и мэром поработать – не волнуйся», – уговорил Ростов свою Людмилу Прокофьевну), а в мэры двинули аж вице-губернатора. И страховались не зря.

«... президент областной федерации боевых искусств... кандидат в мастера по фехтованию ... первый разряд по шахматам...»

Короче, это был чёрный ферзь на доске. Крестову, с этого понедельника формальному мэру Среднеградска, предстояла нешуточная борьба за то, чтобы он стал здесь единственным мэром. Законодательно оформленный принцип единоначалия в городской администрации ещё предстояло установить реально. И у Крестова была уже задумана комбинация по заманиванию чёрного ферзя в одну ловушку...

«... отвечает за качество предоставляемых муниципальных услуг в городе. Вот с этого, пожалуй, и стоит сейчас начать. Пробовать с ним разговаривать по общему шаблону, как с другими замами, наивно. Не поверит ведь. Да и проинструментирован наверняка всесторонне и глубоко. Ну и у самого соображалка, видимо, в порядке. Надо будет как-нибудь предложить в блиц пару-тройку партий стонять».

Крестов тянул паузу специально, хотел, чтобы Сафин начал нервничать хоть чуть-чуть, и когда заметил, что тот слегка заёрзал, поднял глаза от «объективки», встретился с глазами зама (взгляда тот не отвёл) и начал:

– Александр Мартынович, вот тут написано, что Вы отвечаете за качество предоставляемых муниципальных услуг в городе. За все услуги и только Вы?

– Нет-нет, что Вы, Иван Васильевич. Речь только о том, что поскольку в моём ведении находится контрольно-реви-

зионное управление, то я, в конечном счете, отвечаю за контроль качества услуг. Ну а без налаженного контроля качество ведь и не обеспечить.

– Но тогда правильнее было бы писать в справочных сведениях о других заместителях мэра, что каждый из них отвечает за качество части услуг, соответствующей его сфере ответственности, а про Вас – что Вы отвечаете за контроль качества всех услуг.

– Логично, конечно. Ну, вот написали немного неточно. Так ли уж это важно.

– Александр Мартынович, у меня на прошлой неделе градусник для воды сломался. Купили его, когда сын родился – 25 лет назад. Советский, в общем, градусник. А я, знаете ли, один раз в неделю в баню хожу, и один раз ванну принимаю. Сейчас есть хорошая серия пен для ванн, «Бабушка Агафья» называется, – заложил большую петлю в разговоре Крестов, который готовил свою комбинацию и хотел довести сначала двоюродного брата жены губернатора до состояния неприязни к себе такой степени, чтобы у него возникло и потом непрерывно росло активное нежелание работать в городской администрации в ближайшие 5 лет.

– Не очень понимаю, к чему это Вы мне всё рассказываете, Иван Васильевич.

– Потерпите немного, это в тему, не волнуйтесь. Так вот, а бабушка Агафья пишет в своей инструкции, что важно для позитивного эффекта в течение 15 минут, пока идёт проце-

дура, температуру воды в ванне иметь от 37 до 39 градусов. Цельсия, конечно. Ну, пошёл, купил новый. Наливаю ванну, бросил градусник. Как обычно, залезаю при 40 градусах. А вода-то от силы 37, а то и 36. Ну, обругал я себя сначала, за то, что купил градусник в электротоварах – самый дешёвый, но и самый симпатичный зато. Ну, потом обругал жену, которая высказалась в духе «нашел, где и за сколько покупать». Продавцу, конечно, тоже досталось. А производителя я трогать даже не стал – за такие деньги, чтобы они ещё и градуировку нормальную сделали, как же, разбежались-размечтался. Да и нет никакого производителя на градуснике. Иду на следующий день в аптеку: осенило, так сказать, – надо купить градусник для детских ванн, уж там-то всё точно должно быть, и это контролируют. Рассказал знакомой аптекарше свою горе-историю «как я с новым градусником у бабушки Агафьи вчера профилактикой здоровья занимался». А она мне, как знакомому, честно так и выложила – нет, мол, сейчас в розничной продаже нормальных градусников для воды, и даже для детских ванн. Вот я и подумал сейчас, ну шкала немного неточная, всего-то пара-тройка градусов. Так ли уж это важно. И почти успокоился.

– Ваш рассказ, Иван Васильевич, в нашу тему включил. Но мне кажется, что сравнение Ваше чересчур.

– Александр Мартынович! Это информация о замах главы городской администрации на официальном сайте нашего муниципального образования! Вот так у нас всё и про-

исходит: каждый про своё считает – ну, подумаешь, немного неточно... А потом оказываемся в ситуации, когда уже и температуру воды измерить не можем. Вы что, и качество услуг так контролируете: ну, сделали с небольшим отклонением от стандарта, так ли уж это важно?

– Иван Васильевич! У нас ведь утверждены стандарты контроля.

– Вот и представьте теперь, что контролёры и к этим стандартам относятся так же, как к остальным. И, повторяю, всё становится тотальным. И сидим все в результате в полной ж... заднице, то есть. А что, это Ваше подведомственное управление одно справляется с контролем качества всех муниципальных услуг жителям Среднеградска? – наращивал давление на собеседника Крестов, с удовлетворением отметивший, что у того начал появляться несимметричный румянец на щеках.

– Ну, что Вы. У нас всё-таки действует целая система контроля. В Положении о контроле качества муниципальных услуг всё описано, посмотрите.

– Читал. Про это положение отдельный разговор нужен. Ладно, расскажите лучше сейчас, как идёт процесс приведения городской стратегии в соответствие с изменённой недавно областной стратегией развития до 2030 года. Я об этом видел Вашу статью в «Городничем» пару недель назад. Вы ведь у нас, – Крестов взял в руки «объективку», сделал паузу, как бы в поиске нужного места в ней, и процитировал: «ру-

ководитель координационного штаба по организации стратегического управления в городе да плюс председатель Общественного Совета по реализации Стратегии социально-экономического развития Приокской области».

– В соответствии с утвержденным порядком организации стратегического управления в городе, Иван Васильевич.

– Так нет там такой процедуры. Поэтому и спрашиваю, Александр Мартынович.

– А всё по общей процедуре идёт, зачем ещё какую-то особую выдумывать.

– Ну, в вашей общей процедуре телега впереди лошади едет. Вы такой способ передвижения нормальным считаете?

– Как-то Вы, Иван Васильевич, всё загадками какими-то разговариваете, – начал заметно закипать Сафин, что с удовлетворением отмечал Крестов.

– Да какие уж тут загадки, Александр Мартынович, всё очень просто и как всегда в нашей стране: власть сначала сама придумает, решит, а потом ещё и бантик «Одобрям-с» подвяжет. На схеме вашей общей процедуры в вашем утверждённом порядке «широкое общественное обсуждение» ведь в самом конце стоит и уже ни на что не влияет. То же самое и в отношениях между областью и городами происходит. Вот Среднеградск в этом процессе «приведения в соответствие» роль общественности и играет. И неправильно это, тупиково даже, я бы сказал.

– А, так вот Вы о чём. Но все изменения в нашу стра-

тегию, которые мы вносим в соответствии с изменениями в областной, носят очень даже позитивный характер. Вы что, Иван Васильевич, например, против строительства у нас за областные деньги хоккейной арены?

– Знаете, Александр Мартынович, я не меньше Петра Никифоровича хоккей люблю: и поиграть, и посмотреть. И я был бы не «против строительства у нас за областные деньги хоккейной арены», если бы она после сдачи её в эксплуатацию и содержалась бы за областные деньги. Однако областные депутаты вместе с губернатором решили, что это уже будет за наш счёт. Ну не помнят они присказку «мой мандат – мой бюджет»!

– Теперь еще и присказки к загадкам добавились, – уже начал почти грубить Сафин, который хоть и был на 15 лет моложе Крестова, но чувствовал под ногами фундамент Людмилы Прокофьевны и с Дьконовым в последнее время разговаривал практически откровенно сверху вниз, а сразу перестроиться, видимо, не мог, но, скорее, и не хотел.

– Эта присказка, Александр Мартынович, коротко и доходчиво описывает юридически действующий у нас бюджетный принцип: расходы за свои решения должен нести тот уровень публичной власти, который эти решения и принял. А Вы знаете, во сколько в год будет нам обходиться хоккейная арена? А Вы в наших доходах как эти деньги запланировали? Не ответите же, – невозмутимо продолжал Крестов. – Ладно, давайте тогда о чём-нибудь попроще погово-

рим. Сколько сейчас у нас на счете денег? Какие платежи запланированы на сегодняшний день? Какие поступления в бюджет сегодня прогнозируются?

– Иван Васильевич, мне кажется, Вы забыли, что я Ваш заместитель, а не начальник финансового управления. И эту экзаменационную часть можно пропустить.

– А мне-то казалось, что от начальника финансового управления такая справка у Вас по утрам на столе лежит, и Вы эти цифры весь день в подкорке храните. А насчет того, что Вы мой заместитель, – это преждевременное замечание. Мы же с Вами сейчас фактически и разговариваем о том, что будете ли Вы моим заместителем или нет, – начал финишировать Крестов.

– Ну, это не так просто сделать, чтобы я перестал быть заместителем мэра Среднеградска. И смена фамилии мэра совершенно не означает возможности легкой замены фамилии заместителя. Вы же это должны хорошо понимать.

– Я это очень хорошо понимаю. У меня уже есть опыт увольнения заместителей главы городской администрации.

– Да, конечно. Мне известны соответствующие вехи Вашей биографии, Иван Васильевич.

– Давайте тогда совершенно откровенно, Александр Мартинович, – с моей стороны было бы крупной ошибкой оставлять Вас в этой должности. И я почему-то уверен, что Вам и самому не очень хочется работать моим заместителем. Вы же умный человек, вот, – Крестов опять взял в руки «объек-

тивку», – тут написано, что ещё и первый разряд по шахматам имеется. Понимаю, что решение этого вопроса не только от Вашего желания зависит, поскольку перед Вами ведь поставлены задачи и не входящие в обязанности по занимаемой должности. Но я в пятницу буду в Приокске, в том числе и для встречи с Ростовым, и собираюсь с ним, прежде всего, обсудить Ваше персональное трудоустройство. Но хочу, чтобы он уже был готов к такому обсуждению. Поэтому я Вам прямо сейчас предлагаю повышение в должности.

– Повышение?! Но выше моей только Ваша должность...

– Взгляните на тему шире, Александр Мартынович. Городская администрация это всего лишь один из органов местного самоуправления Среднеградска. Но есть и другие. Контрольно-счетная палата, например. На место председателя палаты я Вам и предлагаю перейти.

– Но Мария Ильинична, насколько мне известно, вовсе не собирается уходить со своего поста, а контракт у неё заканчивается только через три года, – медленно, как бы размышляя вслух, произнёс Сафин, но на самом деле это была пауза, чтобы как-то справиться с удивлением от поступившего предложения и чтобы что-то сходу придумать в качестве серьёзного ответа на него.

– А я почему-то уверен, что она уже на этой неделе решит всё-таки уходить на пенсию, ей ведь уже несколько лет это можно сделать, и я ей смогу помочь принять такое решение.

– Иван Васильевич, а Вы ничего не путаете? Председате-

для нашей контрольно-счетной палаты городская дума назначает, а Вы хоть и высшее, и выборное должностное лицо города, но командуете не думой, а администрацией.

– Это я помню, не волнуйтесь. Поэтому свои аргументы в пользу проводов Марии Ильиничны на пенсию я уже сегодня изложу председателю думы – мы с ним после обеда встречаемся для обстоятельного разговора по всему кругу вопросов взаимодействия администрации с думой. И я Вам могу гарантировать, что аргументы эти настолько убедительны, что место председателя палаты освободится в ближайшее время.

– И Вы всерьёз считаете такой возможный мой переход повышением?

– Бесспорно. Вы станете руководителем самостоятельного органа местного самоуправления, который контролирует и городскую администрацию, и даже городскую думу, хотя он ей же и подотчетен. А что касается должностного оклада, то я считаю, что председатель контрольно-счётной палаты должен получать больше заместителя мэра. И насколько я знаю председателя думы, он, вероятнее всего, согласится с этим моим мнением, когда я предложу ему рассмотреть Вашу кандидатуру.

– Иван Васильевич, честно говоря, предложение очень неожиданное для меня, но рациональное зерно в нём видно сразу, да и оно явно продумано уже Вами на несколько ходов вперёд. Похоже, Вы тоже неплохо в шахматы умеете играть. Однако Вы же понимаете, мне его надо хорошенько

обдумать.

– Конечно-конечно, Александр Мартынович, обдумайте, посоветуйтесь. И когда будете советоваться, а я очень прошу обязательно это сделать до пятницы, объясните, что поставленные перед Вами задачи, ну, те про которые я говорил, что они не входят в должностные обязанности зама мэра, Вы сможете гораздо лучше решать с позиции председателя контрольно-счётной палаты.

Румянец на щеках Сафина стал симметричным, но не только – он стал ещё и намного гуще. И в его взгляде на Крестова тот уловил не то чтобы смущение, нет, а чуть меньшую степень уверенности в себе.

– Видимо, наш сегодняшний разговор можно считать оконченным, Иван Васильевич?

– Да, пожалуй. Только давайте договоримся, что не позднее четверга Вы мне сообщите о результатах своего обдумывания моего предложения.

– Хорошо. Это я Вам обещаю.

Сафин вышел.

На часах 12.15.

– Оксана Валентиновна, сообщите Андрюшиной, что она может вернуться ко мне уже сейчас для окончания разговора, если она, конечно, свободна, – сказал он по громкой связи.

– Иван Васильевич, её секретарь только что звонила узнавать, не изменилось ли чего, а сейчас у Нелли Прохоровны

люди – так что она планировала в полпервого, как договаривались.

– Ладно. Значит, тогда до 123–0 и меня нет. Совсем. Даже по телефону. И даже для Вас.

Крестов прошел в комнату отдыха, снял пиджак, галстук, туфли и стал делать сокращенный вариант – без упражнений лежа – своей дневной гимнастики.

До прихода Андриюшиной он ещё успел открыть в своём ноутбуке папку «Доцент» и скопировать из неё раздел «Идеальный город» на флешку, весьма изящную по виду, но самую дешёвую по цене.

11

По виду зашедшей Андриюшиной её настроение прогнозировалось трудно. Но Ивану Васильевичу при любом прогнозе важно было именно продолжать разговор, а не начинать заново. Поэтому он просто протянул ей свою правую ладонь с лежащей на ней флешкой:

– У меня тут для студентов по одной из моих дисциплин классическая библиотечка подобрана про идеальный город. Я Вам её на флешку сбросил, возьмите, полистайте как-нибудь, – сказал Крестов и, увидев при этом, как немного сузились глаза Нелли Прохоровны, не давая ей ничего сразу ответить, поспешно продолжил. – Я уверен, что Вы всё это читали, но, скорее всего, довольно давно, ещё в институте. Про-

сто вспомните. Мне очень важно, чтобы мы с Вами разговаривали на одном языке и правильно понимали друг друга.

– «Утопия» Мора и «Город солнца» Кампанеллы, – справилась с собой Андриюшина, взяла «подарок» и почти в дружелюбном тоне ударила по подброшенному ей мячику.

– Да-да, именно в такой последовательности, но я ещё включил по хронологии туда перед Мором диалог «Критий» из «Государства» Платона про Атлантиду, а после Кампанеллы добавил «Новую Атлантиду» Бэкона, – обрадованно подхватил Крестов.

– Угрюм-Бурчеев сюда, конечно, не вписывается, – совсем уже на мировую пошла Нелли Прохоровна и улыбнулась.

«Ё! С улыбкой на лице она само обаяние», – отметил про себя Иван Васильевич.

– А эти сатирические штучки про городское управление у меня в отдельную библиотечку собраны. Как-нибудь поговорим об этом, если время найдётся. Хотя, уверен, реальные ситуации по жизни нам не раз ещё напомнят наши классические литературные шедевры, и мы про них неизбежно будем вспоминать, – закруглил Крестов утренний эпизод и перешёл в режим выдачи заданий «заму, на которого советуют положиться». – Нелли Прохоровна, у меня есть несколько неотложных поручений Вам, связанных по содержанию с курируемыми Вами структурными подразделениями.

– Ну, что же, давайте прямо по их перечню и пройдемся.

– Нет, весь перечень не успеем охватить. Я имею в виду

сейчас правовое, кадровое и хозяйственное управления.

– Хозяйственное?

– Я так сократил управление общего обеспечения.

Начнём с правовых вопросов.

Вы уже слышали сегодня утром на общем собрании о том, что до конца года должна быть проведена комплексная инвентаризация нашего муниципального образования. Среднеградск и область должны увидеть в деталях, на что я пришёл. Я не собираюсь отвечать за чужие грехи, совершенные до меня. А значит все эти грехи, насколько это возможно, должны быть вскрыты и показаны гражданам и инстанциям.

У меня на конец сегодняшнего дня запланирована встреча с нашей, так сказать, правоохранительной системой в кабинете у прокурора как координатора борьбы со всяческой преступностью. Я на этой встрече хотел как раз прокурора, начальников горуправлений МВД и ФСБ просить принять участие в проведении тотальной инвентаризации Среднеградска. Поэтому у меня к Вам большая просьба: к моменту моего отъезда на это совещание, к 161–5, подготовить мои письма к ним об официальном участии их людей в этом процессе.

Будет просто здорово, если под аналитическим отчетом «О состоянии дел в местном самоуправлении Среднеградска», о котором я тоже утром уже говорил, будет стоять и подпись, например, прокурора города.

А до пятницы аналогичное письмо надо подготовить Ро-

стову, чтобы обеспечить участие и региональных контрольных госорганов. В пятницу я еду в Приокск на Совет глав муниципальных образований нашей области при губернаторе и планировал с ним на эту тему специально поговорить.

Понятен Вам ход моих мыслей и действий?

– Понятен. Но, Иван Васильевич, полагать, что они все Вам бросятся помогать в этом процессе, мягко говоря, наивно с Вашей стороны.

– У меня на их счёт никаких иллюзий нет, Нелли Прохорова. Мне важно это предложить и посмотреть, как они отказываться будут. Причём их отказы ведь я на бумаге хочу иметь.

– Вот-вот, и, в конце концов, этот аудит города придётся проводить своими силами.

– Поймите, никакой внутренний аудит мне не поможет. Да я и не об аудите ведь вовсе говорил, а о комплексной инвентаризации всего муниципального образования. Причем принципиально важно, чтобы этот процесс прошел максимально публично и с привлечением людей и из федеральной правоохранительной системы, и из региональных контрольных госорганов. Внутренней-то инвентаризации я и сам не поверю. Вот почему я Вам и выдаю такие задания сейчас. Поставят ли прокурор и другие свои подписи под отчетом о результатах этой инвентаризации, зависит, в том числе, и от нас с Вами. Вы повесть Бориса Васильева «А зори здесь тихие», по ней и фильм хороший снят, читали? Там старшина

Васков так говорил: «Война это не кто кого перестреляет, а кто кого передумает».

– Ну, жизнь покажет, у кого мозги лучше работают, а относительно стрельбы я очень надеюсь, что до неё не дойдёт – у нас ещё дело об убийстве начальника отдела приватизации не закрыто. Люди в администрацию уже побаиваются идти работать...

– Мне бы тоже очень хотелось, чтобы до стрельбы не дошло. Но чтобы Вы убедились, что я розовых очков не ношу, давайте я Вам на эту тему прямо сейчас вот что скажу: когда меня зарегистрировали кандидатом на выборах, я дал обещание жене, сыну и дочке, что меня не посадят, если выберут мэром. И можно будет к этой теме больше в разговорах между нами не возвращаться.

– Ладно, Вы поручили – я исполню. Сегодняшние письма в 160–0 будут у Оксаны, а письмо губернатору – в четверг к обеду.

– Сразу после обеда. Запланируйте в своём графике час времени с 14 до 15 для разговора со мной, в том числе и Ваш проект моего письма губернатору обсудим.

– Хорошо. Всё по правовому управлению?

– Нет, не всё. К этой нашей встрече в четверг подготовьте проект плана инвентаризации Среднеградска – до конца года мы её в любом случае должны провести. Имейте еще в виду, что сегодня на встрече с председателем думы я ему буду предлагать выйти с инициативой в Законодательное Собрание

ние Приокской области по принятию специального областного закона «О процедуре приёма-передачи муниципального образования в Приокской области после муниципальных выборов». Название, конечно, примерное, но суть, я надеюсь, Вы уже поняли. Так вот, в подготовке такого законопроекта Вам нужно будет участвовать, а потом лоббировать его принятие областными депутатами. Надеюсь, в следующем году такой закон у нас появится.

Вот теперь с правовым управлением пока всё и перехожу к кадровому.

В следующий понедельник у нас должно состояться первое заседание коллегии городской администрации, а на этой неделе нужно подготовить проект положения о ней. И первым вопросом повестки заседания коллегии будет утверждение этого положения. Ивину и Привалову я уже поручил подготовить свои проекты документа к заседанию. А Вас прошу это сделать к четвергу, чтобы обсудить его на нашей встрече.

– Иван Васильевич, чтобы готовить такое положение надо уточнить, что Вы под коллегией имеете в виду.

– Коллегия администрации создается мной как управленческая команда и лидер всего коллектива администрации. Естественно, принцип единоначалия незыблем. Коллегия – постоянный совещательный орган при мэре города. Принцип комплектования персонального состава – должностной. Остальное на Ваше усмотрение – мне ещё интересно увидеть и Ваши собственные соображения на сей счёт.

– Ну, что же, мои соображения по коллегии увидите в проекте, а вот некоторыми соображениями про коллектив хотелось бы поделиться прямо сейчас. Можно?

– Давайте, конечно.

– Зря Вы так, Иван Васильевич, прямо сразу с первой встречи людей пугаете. И Ваша внешне успокаивающая фраза «Советую сильно не нервничать: все кто хочет и может работать – останутся работать» вовсе даже никого не успокоила, а ровно наоборот – ещё больше напрягла. В результате коллектив Вас принял, мягко говоря, не тепло. Думаю, Вы и сами это почувствовали.

– Во-первых, Нелли Прохоровна, коллектив администрации меня еще никак не принял. Давайте не будем путать собрание замов главы и начальников структурных подразделений со всем коллективом. Впрочем, и прохлады этого собрания как целого я не ощутил. У каждого персонально сидит внутри огромное напряжение, но это не коллективное напряжение в мой адрес. Это индивидуальные напряжения по ситуации. А ситуация здесь не приход именно Крестова, а приход просто нового. Хотя, вероятно, самые проницательные понимают, что Крестову-то работать нормально постараются не дать, а это и на них скажется, если Крестов даст им работать. И что бы и как бы я утром ни говорил, аплодисментов всё равно бы не было. Ну и раз уж мы так откровенно стали разговаривать, то давайте не будем ни себя, ни других обманывать. Никакого коллектива нет ведь. При том двое-

власти, которое здесь царило последние полтора года, коллектив развалился на маленькие группки. Вы что думаете, это снаружи, из города, не заметно. Еще как заметно. Особенно по результативности деятельности администрации. Да и был ли он когда-либо здесь вообще, коллектив... Но его надо пытаться создавать. Без него я не сделаю того, зачем пришел сюда.

Во-вторых, про запугивание. Я не пугал, я прямо предупреждал, что собираюсь делать. Учтите, Нелли Прохорова, у меня нет никаких предвыборных кадровых обещаний. «Править должны лучшие», – писал русский философ Ильин Иван Александрович. У него одна статья прямо так и называется. И я с ним согласен. Но лучших надо уметь находить, а в нашей ситуации ещё и уметь уговорить идти править. Это раз.

И поймите, что у меня в голове такая последовательность: сначала описание рабочего места с требованиями к работнику, а уже потом поиск работника, соответствующего этим требованиям на это рабочее место. Поэтому до утверждения новой структуры нашей администрации я никаких новых людей в неё приводить не собираюсь. Только в самом крайнем случае, но надеюсь, что таких случаев будет один-три, не больше. Это два.

Так что Ваше видение новой структуры администрации Среднеградска я жду от Вас тоже к четвергу, к нашей встрече. Причём обязательно с учётом разных советов, комиссий,

рабочих групп при администрации. На официальном сайте стоит их список – я насчитал там целых 78. Например, Вы председательствуете чуть ли не в двух десятках таких групп-комиссий-советов. Вторым вопросом первого заседания коллегии администрации будет разработка новой структуры администрации, а начнём мы его с Вашего краткого обзора всех этих 78 заседательных органов. До конца года у нас должно остаться их не больше десятка.

– Ещё что-то по кадровому управлению? – голос Андрушиной опять становился напряженным.

– Пока всё. Теперь по хозяйственному управлению.

– Управлению общего обеспечения.

– Ну, да-да, по нему, не обижайтесь, – добродушно продолжал Крестов: проделанная гимнастика его спокойствию очень способствовала. – Я попрошу на вечерней встрече начальников управлений МВД и ФСБ продумать и реализовать более современную систему охраны администрации. Чтобы никто на входе не маячил, турникетов никаких не было, а безопасность была более гарантирована. Надеюсь, уже на этой неделе, на Вас выйдут по этому вопросу от начальника полиции, так что будьте готовы. А если не выйдут, то Вам нужно будет самой его побеспокоить на эту тему не позже следующего понедельника.

И ещё, не позднее следующего понедельника на всех внутренних дверях в этом здании должна появиться информация о том, кто именно за ними сидит и чем конкретно занимает-

ся. Если на сей счёт есть вопросы, то зададите их в четверг, а то ведь сейчас уже 130–0 и нам пора обедать. Пойдёмте.

12

Они вместе вышли из приёмной. Крестов пошел вниз в столовую, Андриюшина – к себе на третий этаж.

«Поскакала лошадка», – подумал Крестов, услышав, как зацокали каблуки Андриюшиной вверх по лестнице. Он взял поднос, встал в небольшую очередь на раздачу в общем зале и машинально начал ставить себе свой обеденный комплект, обычный для него в общепитовских ситуациях: суп-пюре, салат в качестве второго блюда, классический компот из сухофруктов, кусочек черного хлеба и какую-нибудь булочку или пирожок.

Мысли Ивана Васильевича продолжали крутиться вокруг Нелли Прохоровны и других замов.

«Объезжать её, Ваня, будет не так просто, но интересно. Да и других замов у тебя пока нет. И где их ещё возьмешь. Но из четверых просмотренных самый перспективный действительно этот, пожалуй. Ну, может быть, из Ивина тоже ещё что-то подходящее можно сделать».

В этих размышлениях Иван Васильевич исходил не только из состоявшихся уже у него сегодня разговоров, но и из содержимого персональных досье на каждого зама, на которое он опирался в этих разговорах. Досье эти были подго-

товлены ещё во время предвыборной кампании избирательным штабом Крестова. Он их ни разу не распечатывал, в ноутбук свой не копировал и просматривал прямо со специальной флешки с другими секретными материалами, которую никуда из дома не выносил. Так вот, из выводов, которые делались в конце каждого досье, следовало, что в случае победы на выборах в дальнейшей работе мэром можно было всерьёз рассчитывать только на Андриюшину. Но и относительно неё имелись предупреждения: о сложности до вредности характера, о влиянии на неё достаточно перпендикулярно настроенного к местному самоуправлению мужа-государственника; об определённой испорченности юридическим стилем мышления, доведенного 3 года назад до степени кандидата наук. Выводам этим Иван Васильевич доверял, поскольку его избирательным штабом фактически являлся аппарат Союза налогоплательщиков Среднеградска, а Крестов в этом союзе был и одним из учредителей, и бессменным президентом вот уже 16 лет с момента создания союза. Кроме того, Андриюшина заняла подчёркнуто нейтральную позицию в избирательном процессе, а за три недели до дня голосования вообще взяла отпуск, уехала из города и вернулась только через неделю после выборов. На фоне других замов, активно работавших на губернаторского кандидата, это тоже её характеризовало позитивно.

«Ладно, Ваня, считай пока, что это просто интересная фигура на доске. Правда, в довольно непонятной позиции. Но

ведь твоего же цвета, белого. Даже всех белее... А позицию ведь можно и определить. И даже улучшить. Не спеши, передвинешь еще куда надо. В четверг будет яснее».

Крестов сел по привычке таким образом, чтобы можно было видеть раздачу идвигающихся там посетителей. И вдруг осознал, что атмосфера в столовой радикально изменилась: когда он зашел, стоял обычный гомон человеческих голосов, стук ложек, тарелок и прочее, а теперь, не то что человеческих голосов, ложек и тарелок не слышно было. Только фоновая музыка, которая лишь подчеркивала установившуюся тишину.

«Не ожидали, что сюда обедать приду. Напряглись, разглядывают и удивляются, что стоял в общем зале в общей очереди и сижу тут теперь жую, как простой смертный. Кто-то после удивления презирает, а кто-то, может, уважает...»

«Приятного аппетита, Иван Васильевич! Можно к Вам?», – раздался вдруг женский голос и на столе появился еще один поднос. На подносе стояли только стакан кефира и тарелочка с ватрушкой.

Крестов поднял голову и заулыбался: «Конечно, что за вопрос, Нинель Спиридоновна».

– Ой, Вы меня узнали!?

За стол к нему села уже не молодая (явно за пятьдесят), но стройная и ухоженная дама почти без макияжа в строгом, стильном, но слегка уже старомодном женском служебном

одеянии.

– Ну, Вас-то я как мог забыть. Вы же мой первый лично завербованный кадр в аппарат совета.

– Да это же было-то в другой стране или даже в другой жизни.

– Да уж. А в этой жизни Вы тоже в этом здании, значит?

– Так я с тех пор всё время здесь. В разных комнатах, на разных этажах и должностях, но в этом здании. Сейчас в общем отделе обращения граждан сортирую.

Спасибо Вам, Иван Васильевич, что Вы меня тогда с нашего предприятия к себе в горсовет выдернули. Тут всё не просто, разумеется, было и есть. Но мне тошно подумать даже, что было бы со мной, если бы я там так и осталась. А здесь я и квартиру успела получить, и даже замуж вышла. Фамилия у меня теперь самая простая – Петрова. У меня сын в следующем году школу заканчивает.

– Да, я слышал от кого-то об этом. Рад за Вас.

– А я за Вас рада, что Вы сюда всё-таки решили вернуться.

Нинель Спиридоновна понизила голос, немного нагнулась над столом, чтобы приблизиться к Крестову: «Я, если честно, за Среднеградск рада. Может, Вам удастся разгрести тут эти авгиевы конюшни».

Но предосторожность Петровой была уже практически ни к чему. С момента начала их разговора постепенно в столовую вернулся обычный общепитовский шум, что Ивана Васильевича, можно сказать, даже немного обрадовало.

Крестов засмеялся.

– Нинель Спиридоновна, никогда не думал о себе как о Геракле. Да и эти конюшни не авгиевы, их за один день не вычистить, даже если, как тот герой, реку через них пустить. Но свежие струи и потоки нужны, конечно, без этого не обойтись...

Вот, например, почему бы эту закрытую столовую не превратить в открытую, чтобы не только муниципальные люди здесь есть могли, и чтобы не только два часа в день она работала...

– Иван Васильевич, на советскую традицию покушаетесь.

Столовка эта же здесь с горкомовских времён, забыли? Мы же с Вами здесь и познакомились, когда Привалов собирал лекторов общества «Знание», чтобы им партийную установку давать – о чём и как лекции свои читать.

А закрытый пищевой распределитель – это ведь непреходящий атрибут нашей власти до сих пор. Это у нас, видимо, вечно. Ох, не советую Вам эту тему трогать пока.

Ну, ладно, я побежала, а то у меня там еще целая кипа писем не разобрана. А сейчас ведь прокуратура за сроками ответов бдит ещё как. Удачи Вам!

«Она всегда так обедает – кефир с булочкой? Фигуру блюдет? Денег на суп с котлетой нет? Вряд ли. Скорее специально приходила подсесть-поговорить, о себе напомнить. Да, это в стиле Нинель».

Пирожок с капустой и компот были хороши. Впрочем, как

и суп-пюре, и салат.

«Готовят прилично. Обедать здесь вполне можно. По вторникам и четвергам точно, когда в бассейн буду ездить. Но что-то с ней придумывать всё равно придётся. На встречах с избирателями про столовку эту несколько раз очень зло спрашивали. И я обещал вникнуть и решить... Надо будет сейчас с председателем эту тему затронуть хотя бы для начала... А потом нужно, чтобы и волки сыты, и овцы целы».

Крестов встал, отнёс поднос с посудой и глянул на часы – 20 минут можно было еще подышать воздухом. Он быстро вернулся в кабинет, надел куртку и вышел на улицу.

13

Прокурор Среднеградска Виктор Иванович Давыдкин частенько обедал в трёх минутах ходьбы от службы в этой бывшей заводской столовой, после приватизации превратившейся в кафе с несколькими залами и единой кухней – почти по-домашнему вкусной и относительно недорогой. В город он по своим личным делам выходил, меняя мундир на гражданский костюм, на телевидение его было затащить практически невозможно, фотографию свою на официальном сайте ставить не давал – поэтому его мало кто узнавал за пределами «городского силового здания», в котором размещались прокуратура, УВД и УФСБ. Как правило, за обедом Виктор Иванович сортировал в уме текущие проблемы и поэтому

ценил это время не только за вкусовые ощущения и утоление голода. Но сегодня на совместный обед напросилась Нонна, поэтому ему предстояло сортировать её слова.

– Привет, Витя. Твоё меню неизменно: солянка, гуляш, чай и пирожное, – как обычно нежно-вкрадчивым голосом сказала Червоных, разгружая с подноса свой обед на его стол.

– Привет. Стабильность – признак мастерства, – ответил между двумя ложками солянки Давыдкин. – Ты, я смотрю, тоже разнообразием не отличаешься: салат, сырники да сок. Всё потолстеть боишься?

– Не боюсь, а знаю, что моё лишнее за столом сразу превращается в лишнее на животе.

– Да ладно тебе: я вот пока ничего лишнего на тебе не замечаю. И не только на животе. А ведь уже месяц прошел с последней нашей встречи: так что если бы появилось, точно бы заметил.

– Ничего ты не замечаешь, а не только лишнего.

– Новое не лишнее. Эти туфли, блузку и брошку я на тебе вижу в первый раз. Всё в твоём стиле и очень даже неплохо.

– Ой, правда! Ты, в самом деле, так считаешь?

– Правда, правда. Что за срочный разговор-то у тебя сегодня? – закончил солянку Виктор Иванович и принялся за гуляш.

– Хочешь сказать, что лирики достаточно, давай про дело, – с театральной обидой в голосе произнесла Нонна Саве-

льевна, но тут же переключилась на деловую волну. – А то ты не понимаешь! Сегодня Крестов на работу вышел. Хочу тебе на всякий случай информацию о нём, в том числе и связанную со мной, рассказать. Ну и договориться о координации наших надзорных стратегий на предстоящие 5 лет нам бы не мешало.

Давыдкин мысленно поморщился: его одноклассница Нонка Пискарёва никак не могла признать их разного нынешнего статуса и вести себя соответственно хотя бы в разговорах про дела, а этого признания и учёта ему хотелось даже в тет-а-тет общении с нею. Ну и что с того, что они выросли в одной деревне Черемшанка самого дальнего и бедного района Приокской области? Ну и что с того, что они 10 лет учились в одном классе, сидели за одной партой и менялись на большой перемене пирожками, испечёнными их мамками? Ну и что с того, что он бегал за ней как пёсик с 8-го по 10-й классы, а потом каждый праздник мчался из Харькова в Черемшанку в надежде на то, что и она приедет из своей Москвы? Сейчас-то он всё-таки прокурор города. И он уже давно привык к тому, что у большинства его собеседников горло сухое и голос дрожит.

– Как за Дьяконовым надзирал, так и за Крестовым буду – процедуры эти, слава Богу, от изменения ФИО мэров не меняются. Стратегия моя в федеральном законе прописана.

– Витя, ну я же серьёзно хочу поговорить об этом, а не формально. За Крестовым, как за Дьяконовым, у тебя не по-

лучится, поверь мне. С Дьконовым его не равняй, какими бы неизменными ваши процедуры на бумаге не были. В Среднеградске ты всего-то четвёртый только год прокурорствуешь. Ты тогда еще в Сибири по карьерной лесенке только начал перспективно подниматься, когда он тут сначала председателем горсовета был, а потом первым мэром стал. А я-то сама наблюдала, как Крестов твоего предпредпредшественника в ваши же процедурные рамочки быстренько и крепенько вставил сначала, а потом того уже через полгодика и сменили. Так что мой тебе совет в твою федеральную стратегию – лучше с ним дружить осторожно.

– Нано, не надо меня мэрами пугать, я не вчера из института, – довольно резко среагировал Давыдкин, но Червоных этой резкости даже и не заметила, потому что он её назвал школьным прозвищем, которое сам сконструировал еще в 9-м классе, переставив слоги в имени, и применял, исключительно только когда они были вдвоём. Тогда конструкция получилась в грузинском стиле, а теперь она ещё была и модной приставкой в разных умных разговорах.

– Не пугаю, Витя, а предупреждаю и советую. Мне вовсе не хочется, чтобы тебя куда-нибудь отсюда перевели перед твоей пенсией. Я тебе сейчас про Ивана Васильевича кое-что полезное для ваших будущих взаимоотношений расскажу, чего ты, вполне вероятно, можешь и не знать.

– А сама ты с ним дружила. Но неосторожно. Правильно я понял? – гуляш был съеден, Виктор Иванович сделал пару

глотков чая и выдерживал паузу, чтобы пирожное не прям на гуляш легло.

– Почти. Мы же с тобой только на два года старше Крестова. Я тебе уже рассказывала раньше, что в Среднеградске оказалась ещё в Союзе Советских Социалистических в связи с переводом сюда на службу моего мужа. Ну, второго. Должность у него тут была такая, что меня сразу в замредакторы тогда единственной городской газеты «Вперёд» назначили. Неважно, что образование у меня полиграфическое, а не журналистское, важно жену такого человека достойно трудоустроить.

Вот. А через пару лет перестройка привела к первым демократическим выборам в местные советы. Тогда-то Крестов и оказался на виду у всего Среднеградска. Хотя «оказался» тут не то слово. Он пробился. Сначала сам свою кандидатуру в депутаты выдвинул. А на предприятии-то он уже заметной фигурой был – не просто молодым перспективным начальником сектора научной лаборатории, но ещё и выборным заместителем председателя Совета трудового коллектива, а в коллективе этом пять с половиной тысяч работающих. Так что кандидатом в депутаты стал без проблем. Но в каком округе избирательном он баллотировался, обращаю твоё внимание специально. Там никто больше выдвигаться не хотел, потому что второй секретарь горкома КПСС уже в этом округе был зарегистрирован. А Крестов именно туда и захотел. И выиграл. После этого он, конечно, среди 150 депута-

тов уже считался не просто депутатом.

Он и стал не просто депутатом – его депутаты-демократы в председатели горсовета выдвинули. А от коммуняк-депутатов, конечно, их первого секретаря двигали: тогда ведь генеральная линия партии от генерального секретаря такая спущена вниз была – партийные начальники должны были завоёвывать доверие масс на честных альтернативных выборах.

– Так, ты сырники-то начинай есть, а то остынут ведь.

– Не переживай, всё съем. Я тебя предупреждала, когда пообедать вместе предлагала, что мне нужен весь час. Так что слушай и запоминай. Потом ещё спасибо скажешь.

– Ладно, ладно. Излагай. Но времени не час, а на 5 минут меньше – мне ещё дойти надо, а в 140–0 у меня совещание со своими замами, – приступил к пирожному Давыдкин.

– Вот. 5 раз голосовали, а выбрать ни того, ни другого не получается: каждый набирает около 70 голосов, а надо-то 76. На сессиях-то все 150 депутатов одновременно не появлялись. Ну, к шестому голосованию на заседание притащили всех: вызвали из отпусков, командировок. Одного в буквальном смысле слова притащили из больницы – у него нога была в гипсе.

– Ты-то откуда всё в таких подробностях знаешь?

– Я в газете отвечала за освещение деятельности партийного и советского руководства городом, так что на всех заседаниях сама сидела от и до. Ты слушай, не перебивай.

– Ну, давай, давай.

– 77:73 с таким счётом Крестов выиграл. И понеслось. Демократам удалось сформировать президиум горсовета со своим большинством, их люди стали председателями ключевых депутатских комиссий. Они убрали старого предисполкома и поставили вместо него его стоворчивого первого заместителя, а к нему приставили нового зама по экономике – можно сказать, прямо с улицы почти мальчика взяли, правда, кандидата экономнаук. Короче, исполком был у них под контролем полностью уже через три месяца. И надо признать, Витя, они справились с той сложнейшей ситуацией в городе. И в основном потому, что среди тогдашних демократов-депутатов было много толковых людей, не себя, а дело делающих. Динозавры. Сейчас таких среди нынешних депутатов не обнаружишь.

Короче, когда мы уже были практически не в Союзе Советских Социалистических, а просто в России, и Ельцин получил полномочия назначать губернаторов, а те мэров, вопроса, кого назначить мэром Среднеградска, у назначенного президентом губернатора не возникло – разумеется, Крестова. Да и как он мог возникнуть, если подбор кандидатуры самого губернатора проводился с участием Крестова.

– Погоди-ка. Крестов участвовал в назначении первого губернатора Приокской области? Это как?

– Э, Витя. Тогда всё шло на революционной волне, которая всё и всех перемешивала. Я точно знаю, что с председа-

телями горсоветов Приокска и Среднеградска администрация президента консультировалась, прежде чем в указ фамилию губернатора Приокской области вписывать. Ладно, о том периоде властвования Крестова долго можно рассказывать, я может ещё даже и книгу напишу. Сейчас останавливаюсь, потому что как раз дошла до того первого, что хотела тебе в голову занести. Учитывай, Витя, что динозавры вымерли как класс, но некоторые в разных местах сохранились. И у Крестова московские связи остались с тех пор, правда, отследить их уже почти невозможно – только он сам знает. И некоторые места эти с динозаврами, с которыми он контакты неформальные поддерживает, сдаётся мне, на очень высоком уровне находятся. Его избирательная кампания это подтвердила. Ты что думаешь, если бы не эти контакты, Крестова допустили бы до участия в выборах?

– Я думаю, что это просто из-за того, что его посчитали неизбираемой кандидатурой и сохранили для демонстрации честности и справедливости выборов.

– А я почти уверена, что так оно и было, только вот это обоснование необходимости и безопасности его участия в наш избирком пришло из столицы. Короче, Витя, с Крестовым лучше дружи, а то при острой необходимости он и в вашей прокурорской системе сможет быстренько на верхнем относительно тебя уровне оппонентов тебе сыскать.

– Думаю, ты преувеличиваешь его возможности, но совет принял. Да и спасибо за нюансы его политического проис-

хождения. Интересно, и мне в самом деле полезно это знать. Давай твое второе в голову мою заноси. Наверное, про осторожность дружбы?

– Да, но на своём примере. Крестов злой и больной.

– Чем это?

– Не в медицинском смысле.

Ты пирожное-то доедай, чай небось совсем уже остыл.

Больной он в том смысле, что до сих пор считает, что всё должно быть так, как должно быть. Вот мы с тобой: понимаем же, что наверху говорят одно (как в принципе должно быть), делают другое (как им лично-конкретно лучше-выгоднее), да ещё и думают при этом каждый своё (как именно я уцелею в случае чего), хотя некоторые там, похоже, вовсе не думают, и даже про это. Мы с тобой понимаем, принимаем эти правила игры, прикидываемся пешками, успокаивая себя тем, что мы же это всё «г» изменить не можем. А Крестов тоже понимает, причем я уверена, что намного лучше нас, поскольку информацию имеет не только из интернета (про официальные СМИ говорить не будем – с ними давно всё понятно), а и по своим неформальным каналам. Но прикидываться пешкой он не хочет, да ещё считает, что это всё «г» изменить может.

Давыдкин откусывал кусочек своего любимого «Мокко», растворял его во рту, делал глоток чая и опять откусывал. Слушал Нано, рассматривал её и, как всегда при встречах с ней, в памяти сами собой прокручивались картинки. Она и

сегодня выглядела отлично, только совсем по-другому. Сейчас у неё был классический вид холёной генеральши: причёска, будто вот только из парикмахерской; макияж, которого как будто бы нет вовсе; грудь, как будто ей не за пятьдесят и она не рожала и не вскармливала двоих детей; руки, как будто бы она никогда не моет сама посуду и полы. Вот именно действующей генеральши, а не генеральской вдовы уже с большим стажем. На картинках была Нонка Пискарёва, первая красавица не только в классе, но и во всей школе: толстая коса, растрёпанная слегка челка, черные магнитные глаза, алые влажные губы.

Алые влажные губы.

Нежные-нежные. Он их первый раз поцеловал только после выпускного вечера, когда все десятиклассники остались на горе, на которой стояла их школа, разожгли костёр, сели вокруг и разговаривали, пели, смеялись. А они вдруг поглядели друг на друга, встали, отошли в сосны и к костру уже не вернулись: сначала поцеловались раз десять, с каждым разом всё дольше и умелее, а потом он проводил её до дома таким извилистым путём, что спать лёг только в 8 утра.

Тёплые-теплые. Последний раз он их поцеловал, когда сделал ей предложение – они были уже второкурсниками и встретились на Новый год в Черемшанке. «Рановато, Витечка, но я подумаю», – ответила она. Подумала. И вышла за своего однокурсника, хлюста московского, уже в июне того же года сразу после летней сессии, а на зимней она уже была

беременной на последнем месяце. И в Черемшанке Давыдкин с тех пор стал бывать только так, чтобы с Нонной Пискарёвой, то есть уже Малышевой, не пересекаться. Знал, конечно, всё о ней через свою мать, которая специально всё разведывала у деревенских и, как бы между прочим, писала в письмах и рассказывала при встречах.

Он и в Сибирь-то распределился, чтобы подальше от неё. Ну а в Среднеградске, в который его вдруг совершенно неожиданно для него самого перевели с повышением, она ему уже сама позвонила.

– Но я тебе больше, скажу, Витя. Крестов даже если бы захотел прикинуться пешкой, то просто не смог бы, не сумел. Вот так он устроен. В сибирской же тайге вырос: «из дикого леса дикая тварь». Больной, короче. Ассенизатор.

– Цинизма в тебе, Нано... И злая ты на него. Очень. А его-то почему злым считаешь?

– А про это как раз на собственном примере. У нас с ним хорошие отношения сложились, еще когда он председателем горсовета был. Мне сразу понравилась тотальная открытость работы совета, которую он учинил. Многие депутаты, не из тех 77, были на него за это в тихом бешенстве. Тихом, потому что невозможно же было публично препятствовать тому, что он здание исполкома и горсовета практически прозрачным сделал. Материалов оттуда для газеты было всегда море. Я когда у него первый раз интервью взяла, с неделю в шоке была – инопланетянин какой-то.

Вот. А когда он мэром-то стал, мы и вообще прямо подружились. Первые месяцев 57– его мэрства все ведь просто откровенно ждали, когда и с каким треском он провалится. Но я-то знала его уже хорошо достаточно и была уверена – не провалится. Поэтому и поддерживала его через газету всячески. Тогда-то Крестов стал меня даже иногда на чаепитие к себе в кабинет приглашать после брифингов. И мы за чаем уже не столько о городских делах, сколько об искусстве и литературе беседовали. Он ведь большой театрал, о литературе рассуждает как профессиональный критик, а про фильмы рассказывает с указанием на режиссерские проколы.

– О, ясно. Чай пили долго: два сапога – пара.

– Вот. А когда он через полгода наладил движение городских автобусов по расписанию с точностью до минуты, которое висело на каждой остановке, всем разумным стало понятно – не дождемся. И директора крупнейших городских госпредприятий к Крестову, который многим из них тогда в сыновья годился, начали с разными просьбами бегать, а он с ними к их министрам профильным ездил и финансирование из министерских бюджетов выколачивал для предприятий.

Ну а потом приватизация обвальная началась. Я тебе, Витя, честно скажу – слава Богу, что мэром тогда Крестов был. Приватизация, значит, идёт, городские комитет и фонд имущества работают как положено: обслуживают процесс по установленным правилам. И в процессе этом самые сообразительные горожане быстро и, обращаю твое прокурорское

внимание, легально богатеют. А ребятаки в администрации остаются на своих нищенских зарплатах ни с чем. Знаешь, сколько тогда Крестов получал?

– Ну, говори, сам я уже вряд ли те времена в цифрах вспомню точно.

– Сумма сейчас уже ни о чем не скажет. Я тебе через относительную покупательную способность этой зарплаты объясню. Вряд ли она была у него больше, чем сегодня у твоей секретарши. Некоторые ребятаки из администрации стали такой несправедливости не выдерживать: кто увольнялся и уходил в бизнес, а кто оставался и попытался запараллелить бизнес с муниципальной службой. Но когда за это Крестов уволил своего зама по экономике, того самого мальчика с кандидатской степенью, параллелить стало страшновато и увольняться стали интенсивней. И вот я смотрю на этого инопланетянина, а он ходит в одном и том же костюме, одних и тех же ботинках, а зимой в таком пальто, что мне было стыдновато представлять, как он в нём в кабинеты к министрам входит и раздевается.

По вечерам дома регулярно делюсь этими впечатлениями со своим генералом. Я же тебе рассказывала уже, что мой второй был генерал-майор и крупным полувоенным предприятием здесь тогда командовал. Вот однажды генерал мне и говорит, что в процессе приватизации их непрофильного имущества есть возможность хороший объект недвижимости по выгодной схеме приватизировать и на его основе

очень даже прибыльное коммерческое предприятие создать. Но, говорит, нужно согласие горадминистрации из-за проблем с земельным участком под этим объектом. Давай, говорит, мы тебя, то есть меня, и жену Крестова учредителями этого предприятия сделаем. Может он тогда хоть новое зимнее пальто себе купит.

– Так, ты помнишь, что ты это всё прокурору рассказываешь?

– Витя, не перебивай, слушай и расслабься – прокурор тут безработный.

Короче, за следующим нашим чаепитием я Крестова попросила встретиться с моим генералом по частному вопросу. Встретились. Ага. Генерал приехал домой в тот вечер ещё бледнее обычного. Сел на диван. Я подошла, гляжу на него вопросительно. А он вдруг с такой злобой посмотрел на меня и заорал: «Твой Крестов сам не живёт и другим не даёт!» А ночью скорую пришлось вызвать – и второй инфаркт. До третьего и последнего оставалось всего-то пять лет.

Вот, Витя, злой он потому, что дружбу с человеком никогда выше своих принципов не поставит. Крестов ведь тогда не просто не согласился на включение его жены в состав учредителей предприятия. Он вообще весь тот генеральский проект поломал. Так что дружить осторожно с ним означает, что не надо надеяться, что дружба с ним при необходимости может как-то тебе помочь, если для этой помощи надо хоть одну запятую в законе вставить, переставить или удалить.

Есть у меня еще один пример, но сейчас на него у тебя уже времени нет. В следующий раз обязательно расскажу – это важно очень для меня. Я боюсь теперь, что Крестов за него мне мстить начнёт.

– Ладно, не загадывай плохого, может и не случится. Согласовывать наши надзорные стратегии уже тоже некогда – идти мне надо. Но тебе сейчас кратко для понимания моих намерений на сей счёт вот что скажу: ближайшие минимум полгода надзором за городской администрацией заниматься практически вообще не будем. Пусть нагрешат уже при Крестове, потом проверять опять начнём и ведомость уже его грехов составлять будем. А то я Дьяконова по просьбе Ростова почти весь последний год прессовал, можно сказать. И что? Считай, что поучаствовал в избирательной кампании за Крестова, дорожку ему к креслу стелил. Понятно?

– Логично рассуждаешь.

– Давай к этой теме вернёмся при следующей встрече. Я на него сегодня повнимательнее посмотрю. Он начнёт что-то делать. Ты пособираешь информацию, проанализируешь. Договорились?

– Договорились. Иди уже, а я сок свой допью. Успокоюсь немножко.

– Пошёл. Не психуй. Пока.

Нонна Савельевна пила сок с большими паузами между глотками и смотрела в окно на уходящего по тротуару Давыдкина. «Стройный, не растолстел в прокуратуре. Со спи-

ны пружинистый мужик под сорок. Господи, какая же я дура была! А может, и не дура вовсе. Протаскалась бы с ним по разной сибирской глухомани. И генеральшей бы не побывала. Ой, ну как же он на меня смотрит до сих пор! Нано называет. Всё-таки правильно я сделала, что его перевод в Среднеградск организовала».

14

Крестов вернулся в кабинет с прогулки за 10 минут до окончания обеденного перерыва – Оксаны ещё не было, пришлось открывать двери своим комплектом ключей. Он прошёл в комнату отдыха, разделся, открыл сейф и вытащил секретную папку с описанием больших возможных неприятностей в городе. В кабинете на столе для совещаний он развернул и просмотрел план-схемы всех семи таких неприятностей. По сути, за 20 лет в этой папке ничего не изменилось. Нет, конечно, сама папка была другая, импортная; графическое исполнение план-схем на финской бумаге было очень красочным, текст сопроводительный был напечатан-распечатан на компьютере, а не на печатной машинке. Но суть неприятностей осталась прежней: крупная авария с разливом ядовитого груза и пожаром на железной дороге, проходящей сквозь Среднеградск; крупная авария с разливом ядовитого груза и пожаром на федеральном шоссе, проходящем по окраине Среднеградска; серьёзные утечки ядо-

витых веществ на трёх госпредприятиях; сильные взрывы с последующим распространением разрушений и пожара на жилые микрорайоны ещё на двух госпредприятиях. Набор остался прежним.

Этого Крестов боялся больше всего.

Нет, не собственно чрезвычайных ситуаций, вероятность которых в Среднеградске была очень мала, но была. По теории вероятности всё ведь может случиться, и к этому надо относиться философски. В политехническом институте на авиационном факультете у них в программе и философия имела, и теория вероятности. И хотя философия тогда в советских вузах была исключительно марксистско-материалистическая, но им на один семестр свезло с преподавателем, благодаря которому у Ивана Васильевича уже со студенческих лет обозначился философский подход к жизни и иронический подход к философии. Матвей Маркович успевал строго соблюсти генеральную линию утвержденного учебника за 15 минут лекции, а остальные тридцать рассказывал разные байки и притчи, а также вместе со студентами проводил всякие мысленные эксперименты. Вот для понимания бесконечности и вероятности однажды они и посадили обезьяну за печатную машинку. «Если дать ей бесконечное время, то существует вероятность того, что она напечатает пушкинского «Евгения Онегина»», – заявил Матвей Маркович. Вероятность того, что в Среднеградске одна из описанных в папке ситуаций или что-то подобное, но еще не описанное

в папке, случится в предстоящие пять лет, всё-таки была намного выше.

Крестов боялся позора неготовности к таким ситуациям городской системы ликвидации их последствий.

Иван Васильевич не сомневался, что «начальник городского штаба ГО и ЧС» (так он по-прежнему именовал эту должность) сейчас ему расскажет, как у нас в городе всё налажено и отлажено, подтвердит этот свой рассказ кипой документов с печатями и подписями и даже сумеет ответить практически на любой вопрос по каждой из семи ситуаций, показывая на схеме: кто, что и за какое время должен будет сделать.

Но ещё меньше Крестов сомневался в том, что если что-то подобное, не дай Бог, случится в самом деле, то никто (ладно, скажем мягче: не все) ничего (ну, хорошо, не всё) сделать вообще (ну, пусть за нормативное время) не сможет. Бардак будет неминуемый, а последствия – тяжелее, чем могли бы быть. Таково уж устройство наших российских умов и душ: в бумагах – одно, по жизни – другое. И историческая замена перед умами и душами прилагательного «советских» на прилагательное «российских» и в этом смысле ничего не изменила. Старому советскому фильму (очень точно снятому Абдрашитовым как раз про это) «Остановился поезд» (с не менее точно сыгранными Борисовым и Солоницыным главными ролями) обеспечена вечная российская актуальность.

– Иван Васильевич, начальник управления по делам ГО и

ЧС Свинцов Павел Николаевич в приёмной и уже 140–0, – раздался голос Оксаны по громкой связи.

– Пусть заходит.

«Объективки» на него у Крестова не было, но внешнего вида вошедшего было достаточно для очевидных выводов о его происхождении: отставной мчс-офицер, списанный на гражданку по состоянию здоровья до достижения пенсионного возраста. Выглядел он лет на пять-семь старше Крестова, но наверняка был лет на десять моложе. «Досталось где-то сильно мужику», – подумал Иван Васильевич, повернувшись к Свинцову от стола, пожал ему руку и повел своей головой в сторону разложенных схем.

– Павел Николаевич, я тут поразглядывал уже тематические картинки и повспоминал разные возможные сценарии. Ваш непосредственный руководитель Ларичев сейчас в отпуске, но откладывать разговор на эту тему я не могу ни на один день, поэтому поговорим без Олега Митрофановича. Да и, забегаая немножко вперед, скажу, что в новой структуре администрации управление всё равно будет переведено в непосредственное подчинение мэра. Так что на сей счёт можете не переживать.

Времени у нас сегодня с Вами немного, поэтому я хочу сейчас просто познакомиться и обозначить свою «генеральную линию» по делам Вашего управления.

Во-первых, ГО-дела я считаю, конечно, очень важными, но настолько маловероятными, что сосредоточусь на ЧС-де-

лах.

– Иван Васильевич, только в этом нашем сегодняшнем разговоре или вообще?

– Что вообще?

– Будете сосредотачиваться на чрезвычайных ситуациях, пренебрегая гражданской обороной.

– Не напрягайтесь понапрасну, Павел Николаевич, – улыбнулся Крестов. – О пренебрежении ГО-делами речи нет, есть оценка их вероятности. Но раз уж у Вас такая реакция возникла на обозначенные мной приоритеты, то выражусь жестче и яснее на сей счёт, чтобы Вы меня до конца понимали. Так вот, если внешнюю ситуацию для страны доведут когда-нибудь до состояния реальной актуальности гражданской обороны, то надо будет вводить военное положение, чтобы у нас эти дела делались надлежащим образом. Это раз. И пренебрежением ГО-делами в государстве нашем я вообще-то считаю само включение муниципального уровня власти с такими обязанностями и такой ответственностью в систему гражданской обороны государства. Это два. Пару этих тезисов я готов высказывать и обосновывать на любом уровне. Хоть нашему главнокомандующему. Проблема только в том, что спорить с ними всерьёз никто у нас не возьмётся, но и слышать их никто у нас не хочет.

Так что давайте на будущее договоримся, что Среднеградск по ГО-делам должен проходить без проблем любую проверку, но из наших муниципальных штанов в этом на-

правлении выпрыгивать нам не стоит – не поможет, если что.

– Вас понял, Иван Васильевич. Убедительно. Давайте, действительно, про ЧС-дела теперь поговорим.

– Давайте, только сегодня разговор у нас получится несколько односторонним, в режиме выдачи Вам срочных заданий. Мне в сейфе дополнительно к этой секретной папке, будем называть её первой, нужна ещё одна. Вот я про содержание этой новой папки, будем называть её второй, сейчас и буду говорить. В пятницу утром Вы мне её уже должны занести с таким стартовым наполнением.

Для каждой из этих семи возможных ситуаций, по которым в первой папке есть вот разложенные сейчас у меня на столе схемы и инструктивный материал по штатным действиям в них, мне нужен от Вас перечень наиболее вероятных отклонений от этих штатных сценариев.

– Иван Васильевич, никаких отклонений быть не должно.

– Конечно, не должно. Но будут ведь по жизни! Ладно, мягче говоря, могут ведь быть?

– Да, могут быть. И будут, – вздохнул Свинцов.

– Вот и опишите для каждой из семи ситуаций, что может пойти не так в наших действиях. Проведите серию, так сказать, подобных мысленных экспериментов.

– Уже давно, – опять вздохнул начальник управления.

– Что уже давно?

– Проэкспериментировал. Слава Богу, мысленно. От некоторых результатов иногда просыпаюсь в холодном поту.

– Ну, так зафиксируйте все результаты на бумаге, положите во вторую папку, а потом мы ещё обсудим, что нам нужно сделать с ними, чтобы Вы спали спокойно, – засмеялся Крестов и неожиданно для себя дружески хлопнул Свинцова по плечу.

– Вас понял, Иван Васильевич. Сделаю.

– Хорошо. Идём дальше. Продолжите список возможных в Среднеградске чрезвычайных ситуаций. Опишите восьмую, девятую, десятую. Сколько сможете ещё, столько и опишите.

– Уже давно, – грустно улыбнулся Павел Николаевич.

– И сколько их у Вас сейчас?

– Всего вместе с этими, – показал Свинцов глазами на стол со схемами, – семнадцать.

– Вот и охарактеризуйте кратко эти десять других и положите во вторую папку. Потом мы каждую из них специально рассмотрим и, если понадобится, оформим также как семь официальных.

– Я их уже описал три года назад, через год работы в этой должности. А затем написал мэру служебный рапорт о необходимости их оформления надлежащим образом в секретную папку. Вот тут всё это сброшюровано под одну обложку, – Павел Николаевич достал из своего портфеля что-то внешне похожее на дипломную работу студента и положил на стол. – Я именно об этом, в первую очередь, и хотел Вам сегодня доложить.

– И что Вам мой предшественник ответил на Ваш рапорт?

– Вызвал, обозвал фантазёром и сказал, чтобы я с этим к нему больше не приставал. Ларичев меня предупреждал, что так и будет, ну я и убедился, что он прав.

– Так, оставляйте Ваши допматериалы. Я их изучу до нашей следующей встречи. И третье задание Вам, последнее в этом разговоре. Напишите краткую аналитическую записку специально для меня, то есть, я имею в виду, что никто кроме меня её читать не будет, а про её существование кроме нас с Вами и знать не должен.

– Иван Васильевич, Вы меня почти испугали уже: это про что же настолько секретное я Вам написать должен?

– Не бойтесь, ничего незаконного я Вам никогда предлагать не буду. Но содержание этой записки необычное, так скажем. Я прошу Вас изложить в ней свои соображения на тему, как мы со своего муниципального уровня можем контролировать, а по результатам контроля поправлять, если понадобится, государственные элементы системы ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций на территории нашего города. Тут же в каждой из этих семи оформленных ситуаций предусматривается привлечение областных сил и средств, а в трёх из семи ещё и федеральных. И в Ваших десяти других ситуациях, наверняка, это тоже предусматривается.

– Да, во всех десяти нужны областные, а в двух из десяти и федеральные.

– Ну так вот. По умолчанию же предполагается, что эти госэлементы системы готовы всегда на пятёрку и действовать, если понадобится, будут отлично.

– По умолчанию, в мысленных экспериментах, как Вы говорите, предполагается. Теоретически.

– Но нам-то с Вами нужны не отличники-теоретики, а хотя бы троечники-практики. Вот как мы можем мониторить наличие этой троечной практической готовности этих теоретически отличных госэлементов по работе на территории Среднеградска? Понятно теперь про что мне от Вас нужна аналитическая записка?

– Понятно. Но Вам же не теоретический мониторинг нужен, а практический.

– Разумеется.

– Задачу Вы мне ставите, действительно, необычную. Но согласен – нужную. Она, конечно, вовсе не секретная. Но согласен – не стоит о её постановке и путях решения особо распространяться. Иван Васильевич, к этой пятнице сделать что-то такое, что можно будет назвать аналитической запиской, не успею. Прошу две недели на это.

– Хорошо. Тогда через пятницу. Ну, будем считать, что познакомились?

– Познакомились.

– Вы когда в отпуске были в последний раз?

– В марте.

– Вам надо бы два раза в год отдыхать. Разбивайте от-

пуск на две половинки. И одну обязательно проводите в каком-нибудь санатории, подходящем Вам по профилю. Думаю, что оплата путёвки туда не за Ваш счет – проблема, решаемая у нас тут внутри.

– Спасибо, Иван Васильевич. Можно идти?

– До свидания, – протянул Крестов руку и ощутил более крепкое пожатие, чем двадцать минут назад.

15

– Васген, ну не до такой же степени, чтобы я сама тебя не узнала, – раздражённо-удивленно-восхищённо произнесла Женя, когда рядом стоящий у полки гипермаркета с несколькими десятками сортов чая старик благородно-профессорского вида вдруг обратился к ней хорошо ей знакомым голосом с просьбой: «Мадам, не будете ли Вы так любезны, помочь мне прочитать здесь состав добавок в этой чайной упаковке».

– Ты же попросила, чтобы меня никто не мог узнать. А никто – значит никто, – уже каким-то профессорским голосом, но с нескрываемым оттенком радости человека, шутка которого удалась, ответил ей Замойлов. – Ты пачку-то возьми, рассматривай и рассказывай: зачем так срочно позвала среди бела дня, и почему нужны такие предосторожности?

– Ой, Вася, влипла я по-крупному и хватаюсь теперь за тебя как за соломинку, – сказала Евгения Захаровна Юрина

(капитан полиции, специалист-аналитик по экономическим вопросам), взяла пачку чая и, глядя на неё, продолжила вводить в свою ситуацию Василия Генриховича, которого прозвала Васгеном уже через неделю после их знакомства два года назад. Замойлов на прозвище это не обижался, а даже был немножко горд им, поскольку Васген этот появился уже в самый первый раз их совместного пребывания в постели, и Женя объяснила возникновение такого сокращенного имени-отчества его кавказским темпераментом. Васей она его называла, когда она не могла или не хотела играть роль детектива, которому всё нипочем и у которого всё под контролем. Поэтому Замойлов сразу посерьёзnel и перешёл в режим старшего товарища.

– Так, Женечка, не паникуй прежде времени, а просто расскажи всё по порядку.

– Помнишь, я тебе три месяца назад хвасталась, что меня включили в следственную бригаду по убийству Иванцова?

– Это начальника отдела приватизации горадминистрации?

– Ну да, а какого же ещё?

– Помню, конечно, я тебе ещё тогда сказал, что у тебя появился шанс блеснуть своим детективно-экономическим интеллектом. Кстати, моя надежда, что и я на этом деле серию скандальных публикаций учиню, ещё вполне жива.

– Тут не серию, тут сериал можно учинить. Мой дет-эк-интеллект нарыл столько и такого, что вот поэтому я и влип-

ла. Сегодня с утра было совещание следственной бригады. Дело считают уже с нашей стороны практически законченным и в течение октября отдадут в прокуратуру, а потом в суд и закроют совсем.

– О, так-так-так. Хватит нам тут тогда с тобой у чаёв калякать. Бродим поодиночке минуты 34– и встречаемся у полка с винами.

Они оба любили хорошие сухие вина. Поэтому Женя и её соломинка профессорского вида через 4 минуты перебирали бутылки, рассматривали этикетки и продолжали начатую чайную церемонию.

– Я же, дура, свой отчет со всем нарытым отдала три дня назад руководителю бригады – всё-таки, думала, из Москвы человек, наверное, специально прислали, чтобы делом заниматься без влияния из Приокска... А он оставил меня сегодня после совещания и сказал, что мои умозаключения, изложенные в отчете, хороши для детективного романа, но по жизни перспективы реального обоснования совсем даже не имеют. И сразу после совещания меня попросил зайти в свой кабинет наш начальник УВД и сказал, что моя миссия в следственной бригаде завершена, напомнил о режиме секретности в нашей профессии и надавал столько других заданий, что мне теперь минимум месяц в нашем полицздании и ночевать придётся.

– Так-так-так. Похоже, точно влипла. Ты как сейчас с работы-то ушла?

– Да повезло – я же на 150–0 к зубному записалась ещё на прошлой неделе и отпросилась у своего подполковника заранее. Так что сейчас я на пути в стоматологию, а для женщины проложить маршрут через магазин – это нормально.

– Отчет-то твой где-то ещё есть?

– Из служебного компа я его удалила уже, конечно. А в домашнем ещё сохранён пока.

– Что там? Чем ты их так напугала? В двух словах – нам лучше уже разбежаться сейчас.

– В двух словах всё банально. Иванцов приехал к нам и попал на эту должность через месяц после того, как Сафин сюда вернулся, но уже на позицию вице-мэра. Я дальше посмотрела все муниципальные документы по теме. Тенденция очевидная проявилась сразу же – чтобы её увидеть, можно было бы и без моих талантов обойтись. Содержание ежегодных планов приватизации резко сдвинулось от разной оставшейся ещё мелочи к крупным земельным участкам, пригодным для жилищного строительства. Победителями по соответствующим приватизационным процедурам начали становиться другие юрлица, не те, кто раньше почти всё выигрывал. Эти юрлица хоть и разные, но если проследить цепочки по их учредителям, то везде рано или поздно всплывает старший сын Ростова, губернатора нашего приокского. Иногда в виде своей матери, первой жены Ростова. Дальше любопытно было посмотреть на изменения в инфраструктурных городских проектах: электрика, вода, канализация, до-

рожная сеть начинали обеспечиваться для этих земельных участков в приоритетном порядке, ну и за бюджетные деньги, конечно. Но и это ещё не все, я посмотрела изменения в постоянных победителях при размещении муниципальных заказов для производства соответствующих работ...

– Так, остановись, девушка. Достаточно уже. Более чем. Убийцу-то нашли?

– Убийцу назначат, не сомневайся. Я примерно представляю даже кого. А искать не будут. И не искали. Теперь-то я в этом уже уверена.

– Правильно, что ты меня предупредила, чтобы я свои навыки из студенческого театра по перевоплощению вспомнил. Пока дело это не закроют окончательно, тебя пасти будут, почти как американского шпиона. От зубного на работу возвращаешься через свою квартиру. Отправляешь свой отчет мне в два адреса (домой и в редакцию) и удаляешь из своего компа. Про его содержание больше ни с кем, ни слова. На работе демонстрируешь полное погружение в новые задания начальства. Вот, возьми мой редакционный мобильник, я там как раз симку сменил опять, а вечером я тебе на него позвоню – надо всё обмозговать и наметить грамотную стратегию. Начинать думать о вариантах ухода со службы – всё очень серьёзно. А учинение сериала беру на себя.

– Васген, только давай без избыточного героизма. Пока. Я ведь и в самом деле хочу еще форель себе на вечер купить, – исчезла Женя в направлении рыбного отдела.

Замойлов вышел из гипермаркета и просто побрёл вдоль проспекта. Ему надо было прийти в себя от страха. От страха за свою Женечку.

Он не стал ей говорить, что она не просто дура, а наивная дура, если посчитала, что руководителя следственной бригады прислали из Москвы для обеспечения объективности расследования, которая могла пострадать от влияния Приокской области. По его информации, человека из Москвы прислали вовсе не для этого. Его московские источники уверенно предупреждали, что человека из Москвы прислали для того, чтобы расследование убийства Иванцова не взяло московский след – на Ростове ведь вся эта цепочка не заканчивалась. Те же источники сообщали, что убийство Иванцова, скорее всего, мелкое процедурное событие в крупном перераспределении подмосковных (т.е. находящихся в радиусе 150 километров от Москвы) городов между несколькими столичными группировками, у каждой из которых, по всем признакам, имелся и кремлёвский покровитель. Жилищное строительство в этих городах и являлось, главным образом, яблоком раздора между группировками.

У Замойлова вдруг по спине побежали мурашки: «А что если Женя в отчете уже и про московский след написала. Она ведь, вполне вероятно, и до этого уже могла докопаться».

Василий Генрихович записовал совсем и завернул в первый же попавшийся на проспекте бар. Он взял порцию ар-

мянского коньяка и сел за столик.

Три глоточка убрали холод со спины.

Ему было понятно совершенно, что в этой ситуации у Жени есть шанс уцелеть только в том случае, если эту ситуацию начнёт разгребать ещё какая-то другая внешняя сила, соизмеримая с борющимися за Среднеградск как за свою площадку бесстыдно откровенного коммерческого строительства жилья для покупателей.

Ещё три глоточка уже довели тепло до пальцев ног.

Но кто в таком разгребании может быть заинтересован? У этой другой внешней силы и интерес ведь должен быть другим. Кто из Среднеградска захочет и сможет на такую силу выйти?

Последние три глоточка заменили страх на решимость.

Сейчас у Замойлова возникал только один вариант ответа – Крестов. Ему ведь просто от этого никуда не деться. Он в это упрётся, ещё и месяца не просидев в своём мэрском кресле. А у него выходы на Москву есть наверняка – никто в этом уже после подсчёта голосов на выборах в его пользу не сомневался. Значит ему, Замойлову, надо срочно выходить для начала на Крестова.

16

Василий Генрихович вышел из бара в настроении, совершенно отличном от того, в котором он туда заходил. Полу-

ченная им информация от Юриной и порция армянского коньяка привели его в то состояние, за которое он больше всего и любил свою журналистскую профессию. Это была сложная смесь полной интеллектуальной мобилизации с лёгким, но вполне ощутимым, мандражом риска, дающая ощущение интересности, осмысленности и полезности своей жизни. Мозги включались в авторежим и как бы сами по себе выдавали анализ ситуации и план действий, тело забывало про свои немощи и становилось энергичным и лёгким, а душе хотелось праздника, и она устраивала его из всего, что было в данный момент хоть чуть-чуть пригодным для этого.

Замойлову было жаль расставаться с таким благородным образом всего лишь через 20 минут его использования: потратил-то ведь почти час на его приобретение. Поэтому сразу разоблачаться домой он не поехал, а решил немного покуражиться и на маршрутке доехал до редакции. Ему страсть как захотелось проверить своё актерское мастерство теперь на Кошёлкиной.

Наталью Германовну от редактирования уже написанной ею и хорошо оплаченной заказчиком статьи оторвал стук в дверь. Секретаря они в редакции давно не держали, помещение арендовали в виде одной комнаты минимальной площади, в которой дежурили втроем по очереди. Уже 4 года назад на редколлегии было принято разумное решение: «Городничий» достиг такой стадии своего развития, что в понтах типа просторной приёмной редактора с секретарём и кожаным

диваном журнал уже не нуждается. Эти деньги тоже лучше распределять между теми, кто обеспечивает его интересное содержание.

– Войдите.

– Можно, Наталья Германовна, отнять у Вас минут 51–0, – произнёс вошедший, слегка прихрамывающий на левую ногу, моложавый мужчина преклонных лет: усы, бородка, очки, строгий костюм стального цвета, коричневый портфель в правой руке – классический профессор из советских кинофильмов.

– Проходите, присаживайтесь. Мы знакомы?

– Я-то Вас знаю. Заочно, конечно. Каждый номер Вашего журнала я, так сказать, от корки до корки по воскресеньям и с большим интересом, а иногда даже и с удовольствием. А Вы-то меня вряд ли. Зарецкий Петр Петрович, профессор в отставке, если по-старомодному выразиться. Вышел на пенсию и перебрался в Среднеградск из Хабаровска. Уже почти год тут живу. Вот, а на следующий год прямо подписался уже на Ваш журнальчик, чтобы в киоск не бегать. А то иногда бывает, что есть риск не успеть купить.

– Приятно слышать такое Ваше мнение о нашем издании. О чем Вы хотите со мной поговорить? На постоянных читателей, а тем более подписчиков, у редакции журнала всегда найдётся времени столько, сколько нужно читателю.

– Предложение у меня к Вам. Продолжая оставаться Вашим постоянным читателем, я бы хотел попробовать стать

Вашим постоянным автором.

– Интересное предложение, Петр Петрович. На какие темы Вам хочется писать?

– Видите ли, Наталья Германовна, я ведь доктор экономических наук, поэтому и публиковаться в «Городничем» планирую именно на экономические темы. Конкретизирую. Мне кажется, что Ваш журнал выиграл бы от регулярного появления в нём статей об экономике города, о муниципальном имуществе, о бюджетном процессе. Аналитики серьёзной у вас всё-таки явно маловато.

– С аналитикой такие проблемы: с одной стороны, писать некому, а с другой стороны, и читать некому.

– Понимаю, понимаю. Остроумно подмечено. Потому-то я и решил предложить свои услуги в качестве писателя, ну а писать постараюсь так, чтобы вашему массовому читателю было и понятно, и интересно.

– Ну что же, давайте попробуем, профессор. Приносите или присылайте свою первую статью, мы на редколлегии обсудим, потом свяжемся с Вами по итогам нашего обсуждения. Но если хотите, такое заседание можно и с Вашим непосредственным участием провести.

– Нет, нет, Наталья Германовна. Лучше без меня. Вам так проще будет мои недостатки отмечать. Да и с моей стороны принимать участие в этом было бы, пожалуй, даже неэтично.

– Хорошо. Тогда присылайте Ваш первый текст. Наш ответ будет не позднее, чем через неделю после его получе-

ния. Только я должна Вас предупредить: в нашем журнале гонорары за публикации не выплачиваются. Мы ведь живём только на подписку и рекламу, никаких государственных или муниципальных дотаций наш частный журнал не получает.

– Ну что Вы, Наталья Германовна, какие гонорары. Мне достаточно своей фамилии в Вашем уважаемом издании. И, раз уж Вы настолько любезны, что не ограничиваете меня временем своей аудитории, хотелось бы понять Вашу позицию для более плодотворного нашего будущего сотрудничества, на которое я очень и очень надеюсь, относительно экономической части предвыборной программы нашего нового мэра, Крестова Ивана Васильевича. Я почему про это заговорил? Я потому про это заговорил, что как раз сейчас удачное, как мне кажется, время для открытия в «Городничем» постоянной рубрики экономической направленности с аналитическим уклоном. Мои статьи там могли бы сыграть стартовую роль, а потом глядишь, может быть, и дискуссии завяжутся, и новые постоянные авторы проявятся.

– Честно Вам скажу, Петр Петрович, я не настолько хорошо знаю его предвыборную программу, чтобы сейчас Вам что-то определённое сказать по её экономической части. У нас в журнале политикой профессионально занимается Замайлов Василий Генрихович.

– О, да. Читаю его материалы всегда прямо с карандашом в руке. Хлёстко пишет, иногда даже смешно бывает в неожиданных местах. Правда иногда и поспорить с ним хочется.

– Пospорите ещё как-нибудь. Так вот, возвращаясь к Вашему вопросу о моей позиции относительно нового мэра: среднеградцы его выбрали, значит, и с ним будем сотрудничать. Главное ведь, чтобы нашему городу лучше было. Так ведь?

– О, да, разумеется. И городу в целом, и всем горожанам, и Вам, и Вашему журналу. Совершенно правильная позиция. До свидания, Наталья Германовна.

Профессор вышел, и Кошёлкина попыталась вернуться к процессу редактирования своей заказной статьи. Но процесс не пошёл. Что-то ей подсознательно серьёзно не нравилось в только что состоявшемся разговоре.

Что?

Ну конечно!

Этот приезжий Зарецкий только что наступил на их общую журнальную мозоль. Аналитики, видите ли, ему серьёзной в «Городничем» маловато. Да ещё «всё-таки явно». А то они без него этого не понимали и не понимают. Минимум раз в квартал ругаются друг с другом до хрипоты на сей счёт. Анализы проводить – это тебе не информационные материалы строчить. Но за информационные материалы деньги хорошие получаешь, что резко смягчает силу профессионального самоедства за такую работу. А за хорошие анализы что получишь? Врагов мстительных. Это хорошо, если они цивилизованными окажутся. А так ведь можно и по голове из-за угла получить, и будешь потом всю жизнь оставшуюся бе-

гать анализы сдавать.

Наталья Германовна разнервничалась и поняла, что насиловать себя за компьютером сейчас бесполезно. Она встала и пошла к кофе-машине приготовить себе чашечку. Кофе они все любили и на кофе-машину денег не пожалели, когда перебрались в эту комнату. Сейчас для поднятия себе настроения Кошёлкина не пожалела и своих спецдобавок, секрет которых тщательно охраняла, так как вкус кофе с ними получался у неё исключительно оригинальным, но при этом очень нравился почти всем. Замойлов только фыркал. Ну, этот вечно на всё и всех фыркает.

17

Крестов убрал со стола схемы назад в секретную папку, отнёс её и запер в сейфе. Потом вытащил из своего портфеля «объективку» на председателя городской думы и положил перед собой на переговорный столик. Разговор предстоял тяжёлый, сложный и исключительно важный. Иван Васильевич отдавал себе отчёт в том, что при отсутствии у него большинства в представительном органе, править городом могут те, у кого есть это большинство. Правда, одного большинства, в принципе, всё-таки маловато. Требовались ещё и интеллектуальные ресурсы. Но ведь в России до сих пор чаще всего принципиально считается, что достаточно только большин-

«Афанасий Сергеевич Бочкаренко, 46 лет. Так, армия, институт, производство, профком. Хм, не комса, значит, а профдеятель. Сначала профдеятель, а потом еще и партдеятель – председатель городского отделения правящей партии. В думе 35 мест – двадцать одно у них. Так что председателем думы стал, можно сказать, по партдолжности. Ну, три года назад ещё и диплом академии госслужбы получил... А это уже из неформальных сведений: за год сидения в кресле главного депутата пробовал затащить в койку почти всех симпатичных женщин в возрасте до 40 лет, работающих в этом здании. О конкретных успехах на этом поприще достоверных сведений нет. Значит физически здоров, раз морально не устойчив...»

– Иван Васильевич, секретарь председателя гордумы сейчас сообщила, что Афанасий Сергеевич просит прощения, но сможет встретиться с Вами на 15 минут позже назначенного времени – у них заседание президиума думы затянулось, – раздался голос Оксаны по громкой связи. – Она также сказала, что сегодня он может разговаривать с Вами только в своём кабинете – его предупредили из Приокска, чтобы был на месте и ждал звонка губернатора.

– Это не проблема, скажите, я через 15 минут поднимусь к нему. Жаль, конечно, что Ваши приготовления к нашему чаепитию были напрасны. Но, надеюсь, у него тоже какие-нибудь пряники найдутся.

«Показывает, кто в доме хозяин?! Демонстрирует контакт

с Ростовым?! Потерпим пока. Не всё сразу», – подумал Крестов.

– Оксана Валентиновна, а кто у нас за общественный транспорт отвечает? – решил он потратить появившееся время на конкретное маленькое дело, а заодно и проверить секретаря на знание структуры администрации.

– Спиридонов Никита Сергеевич, начальник отдела транспортного обслуживания управления городского хозяйства.

– Соедините-ка меня с ним.

Крестов достал из портфеля толстую папку с информацией о городской думе и её депутатах, а также тоненькую пластиковую папку с несколькими страничками рукописного текста.

– Спиридонов на связи, Иван Васильевич, – доложила Оксана.

– Никита Сергеевич, добрый день, Крестов беспокоит. У меня к Вам пока небольшой вопрос – это Вы у нас машину времени изобрели в Среднеградске?

– Э... Не понял вопроса. Поясните, пожалуйста.

– Да я вчера поехал на свой участок землю под зиму перекапывать. Но на свой обычный рейс «восьмёрки» в 105–6 на моей остановке опоздал на две минуты – ключи от домика искал, а жена их в свою сумочку, оказывается, засунула, вместо того, чтобы на положенное им место вернуть. Честно скажу, сначала я расстроился (не люблю никуда опаздывать),

а потом обрадовался: надо же, с какой точностью у нас до сих пор автобусы ходят. Ну и пошёл на остановку «Музыкальная школа», чтобы там сесть на 21-ю маршрутку, которая на нашу остановку не заходит, а поворачивает метров за двести от неё, но до участка на ней доехать тоже можно. Следующая-то «восьмёрка» по расписанию на нашей остановке только ведь через полчаса. Топаю я, значит, по тротуару вдоль дороги, уже светофор прошёл, на котором маршрутка и поворачивает, а навстречу-то мне «восьмёрочка» едет. Понял я, что рано радовался точному соблюдению расписания...

– Иван Васильевич, бывают сбои, конечно. Но я сейчас выясню, кто водитель этого рейса был, и, если его вина, то и премия его автоматически уменьшится.

– Никита Сергеевич, не трудитесь. Водитель ехал точно по расписанию.

– Э... Опять не понял. Вы же сами только что сказали...

– Он ехал точно по расписанию, которое висит на остановке «Музыкальная школа». А проблема в том, что время этого рейса «восьмёрки» в расписании, которое висит на моей остановке, на 4 минуты раньше, чем этот рейс прибывает на «Музыкальную школу» по тому расписанию.

– Э... Как это, как это?

– А вот так это, Никита Сергеевич, – начал слегка раздражаться от туповатости собеседника Крестов. – На «Музыкальной школе» этот рейс должен быть в 110–0, а на моей остановке в 105–6. Вот я и говорю, что, по крайней мере,

этот рейс этого маршрута на этом участке едет из будущего в прошлое. Отсюда и мои поиски изобретателя такой машины времени. Смекаете?

– Дошло, Иван Васильевич. Проверим все расписания на всех остановках в течение ближайших двух дней. Извините, Иван Васильевич, за Ваше беспокойство в воскресенье. О результатах проверки я доложу.

– Служебная записка должна быть у меня в среду. До свидания.

Крестов положил трубку и открыл толстую «думскую» папку. Ольга Леонидовна Закревская передала её неделю назад, и за это время он уже не один час посвятил изучению собранной там информации. Ольга Леонидовна сделала всё, как он просил. Она ведь была не только исполнительным директором Союза налогоплательщиков Среднеградска уже 7 лет и понимала Ивана Васильевича с полуслова, но ещё и депутатом городской думы на неосвобождённой основе. На прошлогодних выборах депутатов лишь ей из 11 выдвинутых союзом кандидатов удалось получить депутатский мандат. Поэтому информацию в папку она собирала, зная уже всё изнутри.

На первых страницах там были нарисованы общие структурные схемы: сначала шла разбивка на комитеты и комиссии с распределением по ним фамилий депутатов; потом лежал лист с разбивкой на официально зарегистрированные депутатские объединения (партийные, программные и тер-

риториальные), тоже с распределением по ним фамилий депутатов; затем шли 15 страниц со схемами возможных групп депутатов по их интересам (Крестов назвал для себя такие группы «интересными»), причём каждая из этих пятнадцати схем была посвящена определённой теме (земельная политика, градостроительная политика, приватизация имущества, тарифная политика ну и т. д. – этот перечень тем Иван Васильевич не задавал, и Закревская выделила их сама). «Интересные» группы были составлены Ольгой Леонидовной на основе кропотливого анализа итогов голосований на заседаниях гордумы. Анализ персонального состава этих групп показывал, что не всегда решения думы принимались в соответствии с раскладом голосов между официальными депутатскими объединениями. Это-то и вселяло в Крестова сдержанный оптимизм относительно возможности проведения через думу нужных ему решений: если учитывать состав «интересных» групп и предварительно до голосования в думе проводить индивидуальную подготовительную работу с депутатами, то большинство голосов можно будет и набирать... Ну, жизнь покажет.

После страниц с общими схемами в папке шла информация о депутатских комитетах и комиссиях. Каждым комитету и комиссии посвящался блок страниц. В каждом блоке сначала лежала структурная схема с пофамильным раскладом, потом текст положения о комитете или комиссии, а затем краткий анализ года их работы, к которому прикладыва-

лись таблицы с голосованиями на заседаниях комитета или комиссии.

Про официальные депутатские объединения информации было совсем немного: скорее всего, из-за того, что собирать её было проблематично, а, может быть, некоторые официальные являются совсем формальными. Надо будет уточнить у Ольги Леонидовны.

Дальше на каждого из депутатов отводилось три страницы с заранее оговоренной между Крестовым и Закревской структурой информации: копия предвыборной листовки кандидата; подробная хронологическая таблица жизненного пути, так сказать; сведения о семье – все, какие удалось собрать; и характеризующие стиль речи и мышления цитаты из стенограмм сессионных заседаний.

Про аппарат думы имелись структурная схема, штатное расписание и краткая характеристика Ольги Леонидовны на каждого сотрудника.

В конце папки шел текст регламента с иллюстрациями Закревской в виде подробных блок-схем всех описанных в нём процедур работы представительного органа Среднеградска.

«Да, мне просто повезло, что есть хоть один свой депутат там», – подумал Крестов. «Хотя, что значит повезло. А не я ли её в прошлом году уговорил-таки пойти на выборы, писал ей предвыборную программу кандидата, мобилизовал все ресурсы Союза налогоплательщиков на избирательную кампанию. Скептики тогда гундели, что никто из одиннадца-

ти кандидатов не пройдёт. А вот она прошла!»

Пора было идти к Бочкаренко. Иван Васильевич положил «объективку» на Афанасия Сергеевича в думскую папку, а папку засунул назад в портфель. Потом пошёл в комнату отдыха, выпил несколько глотков воды, причёсался, разглядывая себя в зеркале, потом, как советуют психологи, подержал некоторое время улыбку на своих губах, и твёрдо, глядя себе в глаза, вслух произнёс: «Что бы он ни говорил, как бы он себя ни повёл, ты, Ваня, заводиться не будешь!»

Тоненькую пластиковую папку с несколькими страничками рукописного текста Крестов взял с собой.

18

«Надо убедить Петра Никифоровича, надо убедить Петра Никифоровича, надо убедить Петра Никифоровича», — непрерывно вслух повторял сам себе Сафин. Он ехал за рулём машины своей жены к губернатору обсуждать предложение Крестова о переходе из вице-мэров в председатели контрольно-счётной палаты Среднеградска.

После разговора с мэром Александр Мартынович вернулся к себе на третий этаж, буркнул секретарю, что его здесь нет и уже сегодня не будет, и заперся в кабинете — надо было осмыслить состоявшуюся встречу и наметить план дальнейших действий. Он достал из встроенного в рабочий стол минихолодильника бутылку «Боржоми», открыл и выпил пря-

мо из горлышка половину.

«Итак, во-первых, Крестов – это тебе не Дьяконов во всех смыслах: умнее, увереннее, вреднее, и, самое главное, его в мэрское кресло не Ростов посадил, а горожане, и поэтому губернатор им управлять в такой степени, как Дьяконовым, не сможет, как бы ему этого не хотелось.

Во-вторых, убрать с должности Крестова получится в лучшем случае только через полтора-два года. Раньше не выйдет – нужно ведь основания создать-накопить, процедуры провести. А меня он за год максимум всё-таки из замов так или иначе выпрет. И чем сильнее я буду сопротивляться этому, тем более основательные аргументы ему для увольнения потребуются. Что может вполне для меня закончиться не только потерей этого места.

А в третьих, что важнее всего, это повод для меня хотя бы отчасти выйти из той игры, в которую я попал, конечно, добровольно, но возможных последствий которой я явно недооценил в её начале. Повод хоть немного дистанцироваться, а значит и шанс уцелеть».

Сафин нажал на мобильном цифру «1» и вышел на свою единственную сестру, хоть и двоюродную:

– Люда, привет, Пётр Никифорович сегодня на обед домой приедет?

– Да, если ничего внепланового не стрясётся у него. А что случилось?

– Ничего ещё пока не случилось. Только готовится.

– Саша, что за голос, что за настроение? Рассказывай, давай.

– Ну, говорю же тебе, что нечего ещё в принципе рассказывать. Просто только что побеседовал с нашим новым мэром. Он мне сообщил, что не видит меня в роли своего заместителя, и сделал такое предложение, которое я обязательно должен обсудить с Ростовым.

– Что за предложение?

– Люд, ну не буду я тебе про это по телефону трепаться. Ты лучше, когда муж на обед придет, соедини меня с ним.

– Ладно, ладно. Соединю. Ты только, Саш, себя раньше времени не накручивай!

Сафин допил «Боржоми» и поставил бутылку в корзину для ненужных бумаг.

«Итак, это повод и шанс. И я их должен использовать.

Аргументы для Ростова:

– если я отказываюсь, то Крестов сразу же своим приказом изменяет мои полномочия, и я всё равно уже не смогу делать то, что делал;

– если я отказываюсь, то Крестов сразу же начнёт готовить основания для моего увольнения, а это значит, что тотальная ревизия всей моей работы в должности зама мне обеспечена;

– если я соглашаюсь, то есть надежды на мирное сосуществование с Крестовым хотя бы какое-то время;

– если я соглашаюсь, то, и в самом деле, мы сможем хотя бы детально мониторить его деятельность через контроль-

но-счётную палату;

– если я соглашаюсь, то проверки моей прошлой работы со стороны контрольно-счётной палаты будут проходить под моим руководством.

Ладно, надо постараться прямо сегодня встретиться с Петром Никифоровичем».

Александр Мартынович включил ноутбук, вышел в интернет и соединился с шахматным сайтом – блиц всегда ему помогал отключиться от неприятных мыслей и успокоиться. И надо было ведь ждать разговора с Ростовым, а за игрой время течёт быстрее и незаметнее.

Но мысли о Мишке Иванцове вытеснить не удавалось даже шахматами. Мишку он вытащил из Тулы в Среднеградск почти сразу, как стал вице-мэром. Ростов настоятельно рекомендовал поставить своего человека на отдел приватизации и с этой целью бывшему начальнику предложил неплохую должность в правительстве Приокской области. А от карьерных предложений губернатора как откажешься? Один раз откажешься, и не будет у тебя дальше никакой карьеры в нашей области. Так что нужная вакансия образовалась мгновенно. А кто для Сафина был своим человеком №1? Конечно же, его единственный оставшийся школьный друг Иванцов Михаил Витальевич. Поэтому Сафин очень хотел, чтобы Иванцов согласился переехать в Среднеградск, но совсем не был уверен в том, что тот согласится: зарплатой начальника отдела приватизации Мишка вообще мог оскорбиться.

В Туле Мишка был коммерческим директором крупного частного торгового предприятия и зарабатывал очень хорошо, а при встречах добродушно похихатывал над Сафиным, когда они в очередной раз сравнивали свои доходы: даже с зарплатой руководителя департамента экономики Приокской области Александр Мартынович сравнение такое проигрывал существенно. Это продолжалось у них с момента окончания школы и принятия решения, куда пойти учиться. Сашок (так называл всегда Иванцов Сафина) сказал тогда, что согласен с отцом: лучше инженерного образования ничего не придумаешь – инженер потом, если понадобится, хоть кем сможет стать. А Мишка заявил, что нищим инженером быть ему совершенно не хочется, и поступил в институт торговли.

Однако, когда Сафин растолковал ему, чем им нужно будет заниматься вместе, и сообщил, что губернатор лично посоветовал подыскать для этих целей надёжного человека, Мишка думал недолго, пока ел салат «Утиная охота», и вторую рюмку уже предложил выпить за успехи в совместном труде. Он, заметив удивлённую радость своего друга, пояснил: «Ты, Сашок, за меня не переживай – мои нынешние торговые доходы от меня никуда уже не денутся. Я ведь в этой акционерке сумел-таки, наконец, собрать в своих руках 51%. Так что могу теперь позволить себе и порезвиться на новом поприще.»

Иванцов уже через неделю въехал во все должностные

обязанности начальника отдела приватизации, в нюансы официальных процедур отчуждения муниципальной собственности и в схемы их совместной параллельной деятельности под прикрытием Ростова. Более того, он нашел ещё несколько дырочек в этих процедурах, а также предложил ряд ценных усовершенствований этих схем. «Так он у тебя просто талантище!» – заявил Ростов, когда Сафин приехал согласовывать с ним такие усовершенствования. Когда Мишка узнал о высокой оценке губернатором его предложений, он купил себе в Среднеградске двухкомнатную квартиру и в рабочие дни в Тулу уже не мотался. «Сашок, а зачем попусту привлекать к себе внимание завистников? Да и семью перевозить пока не буду. Я воробей стреляный – посмотрю, как пойдёт наше дело реально», – ответил он на вопрос Сафина о скромности этой покупки.

Дело пошло. Мишкины усовершенствования обеспечили им обоим совершенно безопасный и доступный в любое время способ непосредственного извлечения доходов от их параллельной деятельности. Мишка и в самом деле оказался «талантищем»: он стал своим человеком в городской администрации, он очень хорошо и результативно общался с депутатами гордумы. Через полтора года Сафин решил ему напомнить о том, что он хотел семью в Среднеградск перевезти, если «наше дело реально пойдёт». А дело-то идёт конкретно.

Сашок поднял этот вопрос, потому что ему очень хотелось, чтобы Мишка был рядом и в выходные дни. А Иван-

цов каждую пятницу вечером уезжал в Тулу и возвращался только в понедельник утром. Не пропустил ни одних выходных. На среднеградских красавиц он не западал, хотя, например, две действительно красивые разведенные дамы (одна из администрации, а другая из аппарата думы), похоже, перепробовали на нём весь женский арсенал завоевания мужиков (ну, хотя бы и на время).

Мишка ответил, что, пожалуй, уже можно и перевозить. Но пусть сначала учебный год закончится (чего детей дёргать), потом они съездят в Европу в отпуск на весь июль, а вот в августе и переедут: он ведь уже и квартиру хорошую подыскал рядом с гимназией.

Мишка погиб как раз в пятницу вечером по дороге домой в Тулу. С понедельника начинался его отпуск, а во вторник они улетали в Неаполь. Мишка был очень доволен европейским маршрутом, который он проложил для этого отпуска: сначала морской круиз на лайнере из Неаполя до Амстердама, потом арендуют машину и через Германию доезжают до Вены, там начинается их речной круиз по Дунаю и до Одессы, а оттуда уже опять самолётом в столицу. На вопрос Сафина, во сколько же обходится такое путешествие, Мишка ответил: «Сашок, а на фига мы тогда работаем? Ты не волнуйся, если что, мои официальные дивиденды в акционерке эти расходы покрывают без проблем».

До понедельника шла информация, что Мишка именно погиб: «не справился с управлением, пробил перила моста и

свалился в реку». В понедельник стали известны результаты вскрытия: воды в лёгких не было; ушибов от падения, несовместимых с жизнью, на теле не обнаружено (система защиты водителя на мишкином мерсе сработала как положено); а вот в крови остатки некоего ядовитого вещества (пока его наименование выясняется) присутствуют. Короче, отравили Мишку.

Осенило Сафина – кто и за что – только по дороге из Тулы, когда он ехал с похорон.

В конце мая Мишка позвал его на выходные к себе: «Сашок, давненько ты у нас уже не был. Маша недавно меня даже спрашивала, уж не поругались ли мы. Но если честно, то тема у меня есть к тебе, которую лучше у меня на даче пообсуждать». Тема оказалась такой: Мишка придумал стратегию усовершенствования всей их параллельной деятельности. Он сообщил, что на него периодически выходят другие крупные застройщики из столицы и по-разному предлагают запустить и их в Среднеградск.

«Нет, нет, Сашок, ты не думай, я Матой Хари никогда не был и не собираюсь, уговор наш помню и нарушать его даже и не помышляю. Но ты сам прикинь, сейчас мы каналезировали весь процесс на одного застройщика, названного нам Ростовым, давай его пометим как Р1. Комиссионные мы имеем, естественно, только с этого одного. Земельных пятен под жильё ещё лет на 79– без каких-либо проблем, если строить будет только Р1. А теперь ответь мне на простой во-

прос: просидит ли ещё Пётр Никифорович на своём месте хотя бы 5 лет? Вряд ли, по моей оценке. Тогда это означает, что мы с тобой не всем имеющимся ресурсом сумеем воспользоваться. Поэтому рационально было бы с нашей стороны запустить ещё хотя бы двух застройщиков. Ну, конечно же, Сашок, их должен выбрать сам Ростов. Информацию для него по семи возможным вариантам для выбора этих двух я уже подготовил.

Разумеется, для Петра Никифоровича обоснование необходимости такой модернизации нашего общего дела должно быть другое – вряд ли ему понравится, как я смотрю на его долгожительство в губернаторском кресле. Для него есть два хороших аргумента. Во-первых, если и дальше строить будет только Р1, то это будет вызывать не только подозрения каких-либо неподкупных депутатов или отчаянных журналист, но и нарастающее недовольство столичных ребят из разных групп, что намного опаснее. Во-вторых, если появляются ещё хотя бы Р2 и Р3, то мы не только будем иметь комиссионные с трёх, а не с одного, но и без проблем поднимем размер этих комиссионных. Конкуренция, Сашок, в данном случае означает рост административных издержек для всех трёх. Хотя чего я тебе тут это разжёвываю – ты ведь всё-таки второе высшее в академии народного хозяйства получил. Ну а претендентами, естественно, как и сейчас, пусть остаются все желающие.

Вот я тебе и предлагаю всё это обсудить с Ростовым. Всё

должно быть по-честному, Сашок».

В следующие выходные в загородной резиденции губернатора отмечали 33-й день рождения Людмилы Прокофьевны в узком кругу – Люда, после того как ей исполнилось 30, большого события из прибавки своего возраста не делала. Сафин помнил рекомендацию Петра Никифоровича – не ездить к нему лишний раз в приокский «белый дом», поэтому приехал за час до назначенного времени мероприятия специально, чтобы изложить идеи Иванцова. Изложил. Ростов не задал ни одного вопроса. А потом ушел от обсуждения: «Ну, что, я же говорил, что он у тебя талантище. Вот ещё одно подтверждение. Но давай-ка, Саша, мы с тобой попозже к этому вернёмся: мне подумать надо, да и Людмилочка вон, я смотрю, уже злиться начинает на нас с тобой – собираемся вроде для неё, а трындим опять о своём».

До убийства Иванцова они к этому разговору не возвращались. А по дороге с похорон и осенило.

Сафин нажал на мобильном цифру «3» и соединился с женой:

– Ир, давай сегодня дома пообедаем. Закажи чего-нибудь вкусенького.

– С новым начальством поговорил?

– Поговорил.

– И?

– Впечатление произвёл, перспективы открыл.

– Ладно, дома это обсудим. Вино пить будем?

– Нет, надеюсь, что после обеда в Приокск поеду. И если поеду, то на твоей машине, учти.

– Хорошо, Шурик. Ты только не нервничай чересчур.

Баланс блиц-партий складывался не в пользу Сафина – он так и не смог на 100% сконцентрироваться на шахматах. Ещё и голова начинала болеть. Александр Мартынович выключил ноутбук, сказал секретарю, что сегодня он уже не вернётся, и был дома уже в 124–0. Выпил таблетку цитрамона, включил спокойную классику и прилёг на диван.

То ли музыка была спокойной до усыпления, то ли дыхательная гимнастика для успокоения настолько подействовала, но жена его разбудила, когда на столе уже было накрыто. Ира вопросов не задавала (захочет – сам заговорит), еда была вкусная. Ели и молчали. Он ждал звонка Люды. Дождался, когда они уже кофе пили.

Ростов говорил по мобильному жены:

– Добрый день, Саша. Мне Людмилочка рассказала суть складывающейся ситуации. Может быть, ты что-то добавишь мне для размышлений.

– Здравствуйте, Пётр Никифорович. Мне предложено стать председателем контрольно-счетной палаты Среднеградска.

– Вот как. Неожиданный ход. И, пожалуй, интересный. У меня с 150–0 до 151–5 будет время – подъезжай в кабинет.

«Только бы он согласился, только бы он согласился, только бы он согласился», – вслух повторял сам себе Сафин,

подъехав с задней стороны к «белому дому».

Поднимаясь в лифте на 4-й этаж, он почувствовал, как у него засосало под ложечкой. Но противней всего было от мысли: «Я же теперь себе не принадлежу. Чем больше власти в Среднеградске оказывалось в моих руках, тем меньше я оставался хозяином самому себе».

19

Афанасий Сергеевич был само радушие.

– Иван Васильевич, уж извините, что так вышло, но не всё, к сожалению, в этой жизни от нас самих зависит, – Бочкаренко выскочил из своего кресла и пошёл навстречу Крестову. – Присаживайтесь вот сюда на любое место, которое Вам понравится, – повёл он правой рукой после их рукопожатия.

– Понимаю, Афанасий Сергеевич, бывает. Не волнуйтесь, я не в обиде, – сел Крестов спиной к окну и поближе к выходу.

– Вот, мы тут к Вашему приходу чаепитие соорудили. Угощайтесь. Надеюсь, это не помешает нашим серьёзным разговорам.

Поскольку комнаты отдыха председателю гордумы не полагалось, чай был накрыт прямо на столе для заседаний президиума думы. Крестов отметил про себя, что у Оксаны всё было приготовлено гораздо скромнее, и подумал: «Надо по-

просить Закревскую проанализировать выделение и использование представительских расходов в думе».

– Съесть по пути что-нибудь вкусненькое вовсе не помеха, а даже помощь в таких разговорах. А со вкусом, я вижу, у депутатов всё в порядке.

– Да уж, хоть с этим-то у нас никаких проблем, – рассмеялся Бочкаренко. – Ну что, Иван Васильевич, повестку нашего заседания рассматривать и утверждать не будем: я готов работать по Вашей.

– Весьма великодушно с Вашей стороны, Афанасий Сергеевич. Хочу, прежде всего, договориться о регулярности наших встреч. Например, по понедельникам после обеда, поочередно – один понедельник здесь, другой у меня. И, кстати, о повестке наших заседаний: можно так определить, что у меня заседаем по Вашей повестке, а у Вас – по моей.

– Очень разумно. Принимается. А то мы с Дьяконовым встречались, только когда уже совсем припрёт, а когда припирает, уже не разговариваешь, а ругаешься.

– Хорошее начало. Теперь кадровый вопрос, Афанасий Сергеевич. Я до обеда с четырьмя замами встречался. И в разговоре с Сафиным предложил ему перейти на другую работу.

– Так сразу. Но, Иван Васильевич, мне кажется, Вам стоит учитывать, что это ведь не просто зам, а ..., – Бочкаренко выразительно закатил глаза под потолок.

– Я учитываю, поэтому и не предлагал просто уволиться,

а предложил повышение в должности.

– Ну, выше-то куда – там Вы теперь на 5 лет.

– Я предложил ему стать председателем контрольно-счетной палаты и обещал сегодня же поговорить с Вами на эту тему.

– Во как! – неподдельно удивлённое вырвалось у Бочкаренко.

– Афанасий Сергеевич, только без ненужных обид. Я знаю, что вылезая тут за свои пределы. Но я же и не вылезаю вовсе, а просто предлагаю тому, в чьих пределах это находится, и хочу обосновать Вам такое свое предложение.

– Иван Васильевич, не сомневаюсь, что это не Ваш сегодняшний экспромт. Но есть формальности, о которые разобьются все Ваши обоснования на сей счёт. Контракт у Орловой Марии Ильиничны в силе ещё три с лишним года. А расторгнуть этот контракт без её желания – это, я Вам доложу, лучше и не братья.

– Значит, если мы захотим. Нет, неправильно. Значит, если нам понадобится, то надо у неё такое желание сформировать. А нам ведь всё равно всем надо переместить куда-то Сафина.

– Всем? Мне, например, зачем?

– Афанасий Сергеевич! Уверен, что за год жизни в этом здании Вы уже поняли, что тут над водой, а что под водой. Убеждён, что Вам, например, не очень нравится, что по многим ключевым вопросам большинство голосов в думе у Са-

фина, а не у вас. Я имею в виду сейчас не Вас лично, а партийную фракцию. По секрету Вам скажу, что мне известно, как Вам уже три раза приходилось разводить руками в столице на заседаниях ЦИК Вашей партии по поводу довольно странных решений гордумы. Кому такое понравится? И Вам тоже не нравится.

– Иван Васильевич, думаю, что уже можно чай разливать, – заварился. Вот в этом чайничке «Венецианский карнавал», хороший чёрный чай с грамотно подобранным букетом добавок, а в этом – облепиха с мёдом. Вам какого налить?

– Давайте Вашего облепихового попробую.

– Тогда я Вам рекомендую его вприкуску вот с этой кукурузной соломкой пить.

Не меньше пяти минут они просто пили чай, обсуждая свои вкусовые предпочтения и демонстрируя свои немалые познания в этой приятной сфере человеческого бытия. Крестов спокойно поддерживал эту милую беседу – понимал, что Бочкаренко обдумывает услышанное и формирует своё отношение к такому возможному развитию событий.

– Александр Мартынович сам-то согласен на такую смену позиции?

– Он был очень удивлён моим предложением. Немножко полавировал вокруг него, но определённого мнения своего не выразил. Но Вы же понимаете, он не может сам принимать таких решений, – Крестов, копируя Бочкаренко, тоже

выразительно закатил глаза под потолок. – Мне почему-то кажется, что губернатор будет звонить Вам сегодня как раз по этому поводу. Сафин, по моим сведениям, ушел с работы и уехал из города. Так что, вполне вероятно, он сейчас с Ростовым моё предложение и обсуждает.

– И что они решат? Какой Ваш прогноз?

– Афанасий Сергеевич, я не метеоролог, чтобы прогнозы давать. Но они оба умные люди с хорошо поставленным логическим мышлением. Думаю, что согласятся. Тут ведь ещё фактор незавершенного расследования убийства Иванцова надо учитывать. Говорят, что Сафин сильно изменился после похорон своего школьного товарища. А я ему свет в конце тоннеля зажёл.

– Ещё чаю?

– Пожалуй, треть чашки «Венецианского карнавала» не помешает. Я обычно меньше мёда к облепихе добавляю.

– Это уже кому как, но будем знать на будущее. Извините, Вы пока запивайте избыток мёда, а я через пару минут вернусь.

Крестов отхлёбывал несладкий чай, рассматривая кабинет председателя гордумы, пока Бочкаренко сходил в туалет.

– Так Вы говорите, Иван Васильевич, желание уйти самой у Марии Ильиничны и сформировать можно?

– Да, вполне. Я почти уверен, что если мы с Вами этого захотим, то и она захочет уйти прямо со следующего понедельника, – ответил Крестов и переложил тоненькую пласти-

ковую папку с соседнего стула справа на стол. – Понимаете, Афанасий Сергеевич, в наш Союз налогоплательщиков уже лет пять нет-нет да и жалуются предприниматели на Орлову. Представители малого бизнеса, получавшие финансовую поддержку по муниципальной программе развития малого и среднего предпринимательства. Суть этих жалоб примерно одна и та же: получателей поддержки проверяет контрольно-счётная палата, а затем за положительное заключение о результатах проверки Орлова требовала выполнения разных условий в виде каких-то мелких услуг, как правило, со стороны проверяемых.

– О, Иван Васильевич, у нас в думе на палату в целом и на Орлову персонально каждый месяц по несколько жалоб разбирается. Ещё ни разу никому ничего доказать не удалось. Я не утверждаю, что они такие уж безгрешные, я просто говорю, что они вполне квалифицированные люди.

– Согласен. Мы всякий раз, когда в союзе начинали проверять поступившую жалобу, убеждались, что для возбуждения уголовного дела оснований недостаточно. Кстати, я Вам тоже скажу, что далеко не всех предпринимателей белыми и пушистыми считаю. Разбор двух жалоб у нас закончился тем, что подателей жалоб из союза своего мы исключили за попытку оклеветать руководителя органа местного самоуправления.

– Вот-вот, я и говорю...

– Но теперь у меня в этой папке лежит ксерокопия заявле-

ния от одного достаточно известного и уважаемого предпринимателя с подробным описанием всей истории. Он мне это заявление передал уже не как президенту Союза налогоплательщиков, а как кандидату в мэры города. Краткое изложение истории: предприниматель в течение нескольких лет получал ежегодную поддержку из средств муниципальной программы на общую сумму в 7 миллионов рублей; весной этого года его проверила палата; нашли формальные нарушения – предприниматель закупал не то сырьё, которое указывал в заявке на получение поддержки; в отчёте о результатах проверки аудиторы указали нецелевое расходование всей суммы поддержки; объяснения предпринимателя о том, что указанного им в заявке сырья уже не было на рынке, а закупленное им сырьё эквивалентно по свойствам заявленному и использовано на производство тех же изделий, что и были указаны в заявке, аудиторы в отчет не включили; предприниматель пошёл к Орловой за правдой, а она ему назвала цену этой правды – один миллион двести тысяч рублей. Беда Марии Ильиничны заключается в том, что предприниматель записал весь их разговор на диктофон. Он ведь нам уже раньше на неё жаловался по другому случаю, но доказательств, достаточных для обращения в суд, предоставить тогда не сумел. На этот раз решил записать разговор. Я запись прослушал – состав вымогательства взятки налицо.

– Ну, знаете, Иван Васильевич, даже с такой записью в суде напурхаешься не один месяц.

– Знаю. Поэтому и предлагаю отправить Марию Ильиничну на заслуженную пенсию с хорошей муниципальной надбавкой по её собственному заявлению о досрочном расторжении контракта по состоянию здоровья.

– А предприниматель?

– Её уход вполне его удовлетворит: он не кровожаден. Я спрашивал его, какого конечного результата от своей жалобы он хочет.

– Так, завтра у меня с ней запланированная встреча. Копию заявления мне оставите?

– Конечно, для этого и взял с собой, – Крестов передвинул пластиковую папку от себя к Бочкаренко. – Если она захочет послушать запись, то я Вам потом перегоню аудиофайл.

– Перегоните сегодня на адрес председателя думы, я предупрежу секретаря, что это только для меня. Хочу сам до разговора с ней послушать и убедиться. Нам только ещё такого скандала не хватает сейчас. Уйдёт сама. Уйдёт как миленькая. Иначе, как минимум, муниципальную надбавку к пенсии потеряет.

– Хорошо. Завтра утром файл будет в Вашей почте.

– Что ещё, Иван Васильевич, в Вашей повестке нашей встречи?

– Структура. Структура администрации города. Действующая совершенно бесполовая и я прошу депутатов поработать вместе со мной над проектом новой.

– Депутатов? Но у Вас, как нового главы администрации,

есть право самому подготовить свой проект новой структуры, а уже потом дума и будет его рассматривать и утверждать.

– Афанасий Сергеевич, всё правильно – с формально процедурной точки зрения. Но взгляните на этот вопрос с моей точки зрения. Во-первых, внутри администрации к разработке новой структуры отношение будет, мягко говоря, не восторженное.

Нет, конечно, я уже запустил процесс в администрации: и на собрании общем объявил об этом, и трём замам задание дал в следующий понедельник мне свои соображения о необходимых, по их мнению, изменениях в действующей структуре. Там всё будет идти своим чередом. При этом я отлично понимаю, что любой работник администрации, размышляя о необходимых изменениях в её структуре, будет исходить, минимум подсознательно, из того, как лично на нём скажутся эти изменения.

Но мне нужны ещё и внешние соображения и предложения на эту тему, относительно свободные от такого давления субъективного фактора.

– Ну, Иван Васильевич, высокого же Вы мнения о наших депутатах.

– Я очень высокого мнения о статусе депутата. Депутат – полномочный представитель горожан, направленный ими во власть для осуществления местного самоуправления. А о каждом конкретном депутате моё мнение складывается на

основе того, как он справляется со своими обязанностями.

– Важное уточнение, Иван Васильевич.

– А во-вторых, вот с этими тридцати пятью конкретными депутатами, избранными горожанами, мне минимум 4 года предстоит вместе управлять Среднеградском в интересах всех горожан. А многие ведь и в следующий состав думы наверняка пройдут, и значит с такими не 4, а 5 – весь срок моих полномочий. Поэтому я считаю правильным в целом, и выгодным мэру, организовать именно нашу совместную работу по созданию основного инструмента управления – городской администрации.

– Выгодным мэру?

– Да, есть совершенно конкретные выгоды от такой организации этого процесса. Их так много и они такие разные, что давайте я Вам как-нибудь в следующий раз эти секреты раскрою, а то мы сейчас можем сильно отклониться от моей повестки.

– Хорошо. Но я об этом обязательно вспомню – мне лично очень интересно разобраться.

Так что Вы тогда от меня хотите по этому направлению, Иван Васильевич?

– Да я и сам про это не забуду, не волнуйтесь. Мне ведь очень выгодно, чтобы Вы лично хорошо понимали мотивы моих управленческих решений.

А нужно мне от Вас, Афанасий Сергеевич, следующее. Запланируйте, пожалуйста, на третью неделю октября специ-

альные заседания комитетов и комиссий по подготовке новой структуры администрации. Я сам буду приходить на эти заседания, представлять своё видение общей структуры администрации и готов детально обсуждать, вплоть до штатного расписания, часть структуры, соответствующую профилю комитетов и комиссий.

– Если специальные заседания, то сейчас это практически означает дополнительные, внеплановые... Я, конечно, попрошу председателей комитетов и комиссий. Они, правда, ноют, что кворум и на плановых-то заседаниях не всегда удаётся собирать... Вы точно, лично сами будете приходить?

– Афанасий Сергеевич, точно. Только, разумеется, надо составить такой график этих спецзаседаний, чтобы у меня была физическая возможность на них всех присутствовать.

– Ну, тогда явка депутатов обеспечена, а календарный график мы с Вами, конечно, согласуем. Давайте, я его проект пришлю Вам в пятницу.

– Спасибо, Афанасий Сергеевич, за поддержку.

– Иван Васильевич, во-первых, не за что – планировать работу думы это моя обязанность, а во-вторых, погодите благодарить – походите по комитетам и комиссиям, наверняка не обрадуетесь.

– Ну, жизнь покажет. Идём дальше?

– Давайте.

– А дальше у меня к Вам огромная просьба, Афанасий Сергеевич. Надо максимально оперативно принять решение

думы о проведении комплексной инвентаризации Среднеградска как муниципального образования.

– Да, о необходимости такой инвентаризации я уже и читал в Вашей предвыборной программе, и слышал от Вас в теледебатах во время избирательной кампании. Но, похоже, идея Ваша мне до конца ещё всё-таки непонятна. Инвентаризации всякие ведь у нас проводятся регулярно по установленным правилам. Вы всё время упираете на слово «комплексная» и на привязку этой процедуры к муниципальным выборам.

– Давайте тогда я попробую объяснить, зачем комплексная инвентаризация нашего муниципального образования нужна лично Вам, каждому депутату и всей гордуме. Честно говоря, я удивляюсь, почему такую инвентаризацию Вы не инициировали год назад, когда новый состав думы приступил к работе. Итак, смотрите. Вы год назад на пять лет стали представителями собственников – жителей Среднеградска – и отвечаете за эффективное управление всей муниципальной собственностью – и финансов, и имущества. До вас этим занимался предыдущий состав думы, после вас будет заниматься следующий состав. Через пять лет на следующих выборах о вас будут судить, прежде всего, по результатам этого управления. При этом, если вы не фиксируете того состояния города, в котором вы его приняли, то отвечать вам нужно будет не только за результаты своей деятельности, но и за результаты деятельности всех предыдущих составов думы. А

если фиксируете, то отвечаете только за итоги своей работы. Тут ведь всё на уровне здравого смысла.

– Эта Ваша логика, Иван Васильевич, мне очень даже понятна. И это, действительно, логика здравого смысла. Но есть ведь и другая логика.

– Да, есть ещё российская логика.

– Вот-вот. Ну, Вы же всё понимаете. Но я бы даже её и российской не называл – это общечеловеческая логика, просто у нас всё ещё часто работает именно она, а не здравый смысл. И выходит по этой другой логике, возвращаясь к предмету нашего разговора, что если такая комплексная инвентаризация муниципального образования не проводится, то никто никогда ни за что не отвечает.

Дверь в кабинет отворилась, и секретарь председателя гордумы показала Бочкаренко на телефон и прошептала: «Губернатор».

Афанасий Сергеевич вскочил, перебежал в своё кресло и взял трубку телефона связи с приокской госвластью.

– Добрый день, Пётр Никифорович.

Что говорит Ростов, разумеется, Крестов не слышал, но по репликам Бочкаренко можно было догадываться.

– Встречаюсь с нашим новым мэром.

– Да нормально разговариваем. Знакомимся. Договариваемся, как будем взаимодействовать.

– Она уже семь лет в Среднеградске председатель палаты и ещё три следующих года у неё по контракту.

– Нет, когда она заключала контракт, у неё ещё не пенсионный возраст был.

– До четырёх. Но начали на пятнадцать минут позже запланированного, так что где-то к 161–5 закончим.

– Если прямо сейчас выехать, то к пяти и получится.

– Да я объясню и извинюсь. Всяко бывает ведь. До свидания.

Бочкаренко потихоньку положил трубку на место и вышел из-за стола. Крестов тоже встал и пошёл к нему навстречу.

– Иван Васильевич, Вы же всё слышали, а что не слышали – поняли. Вызывает. Надо ехать прямо сейчас. Видимо, Вы были правы про поездку Сафина в Приокск. Тема именно эта.

– Ничего страшного. Мы тут в одном здании всегда можем встретиться. А губернатор с нами не всегда может встретиться. Значит, как договорились: в следующий понедельник у меня в 143–0. Только сначала мою сегодняшнюю повестку надо будет до конца отработать. Нас ведь на очень интересном месте Пётр Никифорович прервал.

– Хорошо, с этого места и продолжим.

Крестов вернулся к себе в очень хорошем настроении: перемещение Сафина он уже считал практически состоявшимся; Бочкаренко произвёл на него впечатление человека, с которым можно будет сработаться; появилось время, чтобы лучше подготовиться к совещанию у прокурора.

Женя Юрина по совету своего Васгена от стоматолога на работу возвращалась через служебную однокомнатную квартиру: форель надо было в холодильник положить и отчёт Замойлову в два адреса перегнать и удалить из своего компа. Она вошла, сняла с охраны квартиру, бросила пакет с форелью в направлении двери на кухню и, не разуваясь, прошла в комнату, включила загружаться ноутбук, wi-fi-роутер она отключала только когда уезжала надолго, и отправилась закончить дело с форелью. На кухне ещё выпила чашку вишнёвого сока и потрогала языком новую пломбу: зуб не болел, заморозка от обезболивающего укола отошла.

Вернувшись в комнату, она села к компьютеру открыла электронную почту, составила два отдельных письма и стала вкладывать в них файл с отчётом. Из почтовой программы файл не находился. Женя уже с мурашками на спине открыла нужную папку в «проводнике». Файла с отчётом там не было.

Тут только она обратила внимание на стерильную чистоту клавиатуры ноутбука – её тщательно протёрли часа два назад, не раньше.

Мурашки со спины ушли, теперь её бросило в пот и возникло то ощущение сосущей тоски, которое у неё появлялось только при понимании полной безысходности ситуации.

Минуты три прошло как бы без её присутствия в этом мире. Она очнулась от простой мысли, что это уже всё случилось, исправить ничего невозможно и надо решать, как теперь жить, чтобы выжить, в новых обстоятельствах. Всё-таки факультет экономической безопасности Женя заканчивала в столичном университете МВД, и их там не только экономике учили.

Итак, удаление отчета из её компьютера означало, во-первых, что поработала она очень хорошо и её логическая цепочка вела в нужном направлении. В нужном, в смысле для настоящего расследования убийства Иванцова.

Но, во-вторых, это же означало, что её ещё раз предупреждают о секретности текста отчёта. Кроме того, при желании её теперь можно довести до увольнения со службы за работу со служебными материалами за пределами служебного помещения. Для этого им придётся, конечно, всё как-то доказывать, а значит, и признавать факт несанкционированного проникновения в жилое помещение. А, собственно, с чего это она решила, что проникновение в её квартиру было несанкционированным? Они без проблем могут оформить все нужные бумаги хоть сегодня. Если ещё не оформили. Ну нет, увольнять её сейчас – это лишний шум, служебное расследование, пусть и формальное, возможность для неё апеллировать вверх... Сейчас увольнять не будут. Потом, если ещё понадобится, да и не за это, а найдут какой-нибудь другой повод.

И в третьих, они отлично понимают, что удаление файла из её компа совершенно не означает исчезновение текста отчёта из её головы. То есть, теперь потенциальной угрозой для них является сам факт её существования. Однако физическое устранение члена следственной бригады ещё до окончания расследуемого дела может привести к тому, что дело это резко вырастет в масштабе и его почти наверняка передадут в другие руки. А это абсолютно не в их интересах. Значит, пока дело Иванцова не закрыто, за жизнь свою ей опасаться нечего. Нет, ну конечно, кирпичи по крышам и просто так ползают, но это уже не сюда.

Получается, что до полного завершения дела посадкой назначенного убийцы её просто будут пасти, не трогая. Тогда у неё есть ещё несколько месяцев... И надо помогать им пасти её: сидеть подольше на работе, выполняя новые задания; никуда не ездить из Среднеградска за исключением служебных командировок (но их теперь уже и не будет); не контактировать с новыми людьми, а только с им уже известными... И пусть спокойно пороются ещё в её квартире...

Женя достала редакционный мобильник Замойлова, который он передал ей в гипермаркете, и позвонила на его другой номер:

– Васген, я сегодня допоздна на работе. Заберёшь меня оттуда часов в девять, полдесятого?

– Ого, а чего так поздно-то?

– Заберёшь?

– Заеду, конечно, не сомневайся. – Василий Генрихович стоял в своей квартире перед зеркалом и не сразу почувствовал напряжённость в голосе Жени, и не сразу понял, что она звонила с его телефона: он ещё находился под сладким артистическим впечатлением от своего спектакля у Кошёлкиной. А когда почувствовал и понял, то перестал отклеивать профессорскую бородку с лица и прилепил её назад – сообразил, что образ ещё может понадобиться прямо сегодня же. – Ты откуда звонишь?

– Я после зубного. Посылать тебе нечего. Сегодня ночью у тебя.

– Хорошо, ужин с меня, – сказал Замойлов, но в трубке были уже короткие гудки.

«Так, покатился ком. Всё ещё серьёзнее и быстрее, чем я думал. И Замойлов тут Юриной не помощник. Наши отношения уже давно всем известны. Моя любая активность по этому поводу будет только означать для них, что Женя действует через меня. А меня тоже будут отслеживать, как и её. Они уже уверены, что я знаю всё, что знает она. Короче, мы им опасны оба, то есть мы в опасности оба. Значит, надо действовать через Зарецкого. И немедленно».

Замойлов внимательно оглядел в зеркале Петра Петровича, взял чистый лист бумаги, быстро написал на нём пару предложений, положил его в профессорский портфель и пошёл на автобусную остановку – не мог же Зарецкий ездить за рулём автомобиля Василия Генриховича.

– Уважаемая Оксана Валентиновна, я всё понимаю, но Ивана Васильевича мне нужно увидеть прямо сейчас, хотя бы на пару минут: дело моё не терпит ни малейшего отлагательства, и для господина Крестова имеет значение не меньшее, а скорее даже большее, чем для меня самого. Разрешите представиться, Пётр Петрович Зарецкий, профессор экономики в отставке.

– Здравствуйте ... Пётр ... Петрович, – Оксана была на мгновение поражена, прежде всего, стилем речи вошедшего: это было прямо из какого-то фильма. Да и вид у него был такой же киношный. – Но Ивана Васильевича сегодня уже не будет. Кроме того, есть ведь процедура записи на личный приём.

– Оксана Валентиновна, ну зачем Вы так со мной-то? Автомобиль мэра напротив парадного входа в мэрию. У Ивана Васильевича совещание у прокурора только в 163–0, а сейчас ещё 161–0. И потом, уважаемая Оксана Валентиновна, на личный приём записываются по личным вопросам, а мой вопрос, прямо скажу, государственного значения.

– Пётр Петрович, а откуда Вы знаете про совещание у прокурора? – Оксана опять была слегка выбита из своей тарелки.

– О, это просто дело случая, я как раз заносил в редакцию одной из городских газет свою давно обещанную статью и слышал, как в приёмной редактора обсуждался пресс-релиз с распорядком дня Ивана Васильевича. Уважаемая Оксана

Валентиновна, мне кажется, мы понапрасну теряем драгоценное время мэра – пока мы тут с Вами беседуем, я бы уже побывал у него в кабинете и вышел. Будьте любезны, попросите его принять меня на две минуты.

Оксана не очень понимала ещё, как Крестов будет реагировать на её рассказ о «кинематографическом» посетителе, которого она всё равно не пустила – не по правилам ведь. Чутьё ей подсказывало, что лучше нарваться на замечание о нарушении правил, чем на выговаривание по поводу невнимательного отношения к людям. Она встала, приоткрыла дверь в кабинет и, встретившись с удивлённым взглядом Крестова, сообщила:

– Иван Васильевич, извините, конечно, но, мне кажется, что Вам стоит уделить две минуты профессору Зарецкому прямо сейчас по вопросу государственной важности, как он говорит.

– А какой же ещё? Разумеется, государственной. По другим вопросам профессор к мэру бы не пришёл, – решил шуткой снять заметное волнение своего секретаря Крестов. – Пусть зайдёт, но, и в самом деле, только на две минуты: я ведь не президент – мне опаздывать не положено по статусу. Проследите за машиной, Оксана Валентиновна.

– Машина уже ждёт, Иван Васильевич.

– Только на две минуты, мне сейчас просто больше и не требуется, глубокоуважаемый Иван Васильевич, – проскочил с удивительной для пожилого профессора прытью За-

рецкий в кабинет и прикрыл сам дверь с внутренней стороны, пока Оксана, уже раздражённо шепча себе что-то под нос, закрывала её снаружи.

– Проходите, пожалуйста, – Крестов встал и вышел из-за стола, не приглашая сесть вошедшего и подчеркивая тем самым, что времени и вправду совсем нет.

– Пётр Петрович Зарецкий, профессор экономики в отставке, – протянул руку первым посетитель.

– Иван Васильевич Крестов, мэр Среднеградска, – в тон ему ответил хозяин кабинета. – Что за срочность такая, Пётр Петрович?

– Секундочку, – Зарецкий поставил свой портфель на стол для заседаний, достал из него лист бумаги и протянул Крестову. Там было написано почти печатными буквами только два предложения: «Следствие об убийстве Иванцова ведётся в интересах убийц. Назначьте время для изложения сути не позднее завтрашнего дня – это очень важно для Вас».

Крестов вернул лист Зарецкому, внимательно глядя тому в глаза – Пётр Петрович взгляда не отводил и молчал. «Ё, кто он и зачем это? Но отказываться от такой информации было бы глупо, даже если информация будет ложной», – подумал Крестов, повернулся, подошёл к своему столу и нажал клавишу громкой связи:

– Оксана Валентиновна, у профессора действительно важный вопрос, запишите его на завтра, на 140–0, на 15 минут.

– Благодарю Вас, глубокоуважаемый Иван Васильевич, –

Зарецкий опять первым протянул руку.

– До завтра, Пётр Петрович, – пожал и слегка встряхнул её Крестов.

21

«Ничего себе допинформация к моему раскладу на совещание», – несколько раз про себя произнёс Крестов в машине по дороге к прокурору.

Раскладом он называл результаты своей очередной «игры в Штирлица», которые в виде нескольких листов формата А4 перебирал в руках напоследок перед разговором вживую. В Штирлица Иван Васильевич играл перед очень важными совещаниями с заданными своими целями, но не гарантированными результатами.

Игра начиналась с того, что на первом листе (в книжной ориентации) рисовалась общая схема совещания. Лист разделялся горизонтальной линией на две неравные части: нижняя занимала одну треть. В центре верхней части, которая получалась почти квадратной, выписывались краткие формулировки вопросов повестки совещания, а затем вокруг них фиксировались участники совещания в виде их ФИО и занимаемых должностей. В нижней части листа записывались краткие формулировки желаемых результатов совещания по каждому вопросу повестки. Как правило, Крестов для каждого важного вопроса рисовал такую схему на от-

дельном листе. При большом количестве участников совещания на схему выносились только те, которые потенциально могли влиять на результат совещания по данному вопросу.

Затем на каждого участника совещания, попавшего на общую схему, заводился персональный лист. Заголовком листа становились ФИО и занимаемая должность персоны. Под ними проводилась вертикальная линия, делящая лист на две колонки. Наверху левой колонки Иван Васильевич писал «За», а правой – «Против». Ниже в колонках выписывалась краткая аргументация: почему этот участник совещания может быть за желаемый Крестовым результат совещания – в левой колонке; почему он может быть против – в правой. Затем проводилась горизонтальная черта, ниже которой на оставшемся месте формулировалась контраргументация для текста в правой колонке.

После заполнения таких персональных листов для совещаний, на которых председательствовал сам Крестов, он брал первый лист с общей схемой и нумеровал участников совещания в том порядке, в котором планировал предоставлять им слово. А затем все листы выкладывались перед собой в два ряда: в верхнем лежал лист с общей схемой совещания, а в нижнем располагались персональные листы в порядке номеров, полученных участниками на схеме. И вот теперь уже, глядя на такой подготовленный им пасьянс, Иван Васильевич прокручивал в своей голове наиболее вероятные

сценарии течения совещания по данному вопросу. Ну, примерно, как в шахматной партии, когда он рассчитывает многоходовую комбинацию с различными вариантами.

Но в машине-то уже пасьянс этот перед собой не разложишь, поэтому Крестов просто по очереди просматривал подготовленные им пять листов. Он их начал заполнять по своей методике еще в воскресенье дома, после того как на инаугурации в субботу договорился с прокурором о совещании. Сегодня, в связи с вызовом Бочкаренко в Приокс к губернатору и досрочным окончанием встречи с ним, у Ивана Васильевича появилась возможность ещё полчаса поразглядывать свои заготовки с просчётом возможных вариантов хода совещания. И за это время он ещё кое-что добавлял к записям, сделанным вчера.

В центре верхней части первого листа стояли два слова «Конфликт интересов», слева-сверху от них была запись «Давыдкин Виктор Иванович, прокурор города», слева-снизу – «Ермилин Алексей Миронович, начальник ГУМВД, полковник полиции», справа-сверху – «Кулаков Валерий Валерьевич, председатель горсуда», справа-снизу – «Нехаев Борис Константинович, начальник ГУФСБ, полковник». В нижней части этого листа вчера дома Крестов написал «База данных для выявления возможных конфликтов интересов у должностных лиц органов местного самоуправления и органов государственной власти в Среднеградске». Сегодня он красным цветом ниже добавил «Выявление и фиксация кон-

фликтов интересов между участниками по теме совещания».

Четыре персональных листа так и остались полупустыми. Вчера дома Крестов смог сделать на них только заголовки. Иван Васильевич ни с кем из четверых практически не был знаком. Все они появились в Среднеградске относительно недавно: от семи (председатель суда) до двух (полковник ФСБ) лет. Несмотря на пропагандируемые решения, принятые наверху, об открытости и прозрачности, о подконтрольности и подотчетности, об общественной оценке и общественных советах, правоохранительная система в стране оставалась вещью в себе и становилась всё больше для себя. Граждане, конечно, смотрели бесчисленные сериалы про прокуратуру, полицию, суды и разведчиков, но реальная жизнь была такова, что ни тем, ни другим, ни третьим, ни четвёртым они не доверяли и всех откровенно боялись. Поэтому собрать достоверную информацию о каждом из четырёх предстоящих собеседниках, достаточную для прогнозирования их поведения на совещании, Крестову не удалось. И тактической задачей этой встречи он считал просто знакомство. Ну а в ходе обсуждения его «интересной конфликтной» темы каждый проявится, никуда не денется. Вот и начнёт тогда у него складываться хоть какая-то основа для последующих сценарных зарисовок с этими актёрами. А пока сегодня на всех четырёх персональных листах Иван Васильевич написал одно и то же: в левой «За»-колонке – «законодательно оформленное формальное требование противо-

действовать коррупции»; в правой «Против»-колонке – «в законодательстве не предусматривается создание такой базы (отговорка)», «сохранить свою непрозрачность (разные мотивы)»; в нижней части листов – «логика из статьи про урегулирование конфликта интересов в законе о муниципальной службе».

Крестов вздохнул, положил «карты Штирлица» в портфель и достал из него три письма, которые он поручал Андриюшиной подготовить к сегодняшнему совещанию, с предложением определить представителей прокуратуры, полиции и ФСБ для участия в комплексной инвентаризации Среднеградска как муниципального образования – Оксана передала ему их, когда он уже уходил к машине. Нелли Прохорова работой над текстом писем сильно себя явно не загружала: адресаты там были разные, а текст один и тот же – «Прошу обеспечить участие Вашего представителя в проведении комплексной инвентаризации муниципальной собственности города». Иван Васильевич опять вздохнул: «Ё, продолжает издеваться, что ли? Ладно, в четверг с ней поговорим, а сейчас про это и заикаться нечего».

«Меня ждать не надо», – сказал Крестов водителю, с досадой хлопнул дверью машины и пошёл в «силовое здание» Среднеградска.

«Извините, пожалуйста, но я передумала. Отвезите меня всё-таки в редакцию «Городничего», а не домой», – сказала Червоных водителю шикарного «вольво», принадлежавшего директору ООО «Домстрой-Среднеградск».

Директор, Нехаев Сергей Константинович, всегда присылал за Нонной Савельевной свой персональный автомобиль и на нём же доставлял её обратно. Червоных, при их первой встрече для разговора о долгосрочном сотрудничестве между журналом и стройкомпанией, сказала сокрушённо, что ей придётся заезжать на автомойку после каждого посещения их стройплощадок – российская грязь оттуда почему-то никуда не девается, несмотря на применение самых современных западных технологий строительства. Вот директор и пообещал, что Нонне Савельевне для поездок к ним свой автомобиль марасть не придётся, и о её транспортировке заботился сам. А ездить приходилось всё чаще и чаще – «Домстрой-Среднеградск» теперь уже каждый квартал сдавал под заселение один многоквартирный дом как минимум. Ну и в «Городничем» об этом появлялся большой материал с красочными фотографиями, со схемами планировок квартир, с интервью со строителями и счастливыми покупателями квартир. Платили журналу за такие материалы очень щедро. Когда заключали договор, Червоных не смогла

скрыть даже своего удивления ценой за одну страницу материала в номере. Директор рассмеялся тогда и сказал, что такова рекламная политика их холдинга – на представление результатов деятельности денег не жалеть. «Домстрой-Среднеградск» был одним из нескольких десятков предприятий, входящих в холдинг «Домстрой-XXI». Прелесть этого договора заключалась ещё и в том, что всю нужную информацию для публикации в журнале стройкомпания готовила фактически сама. Червоных приезжала на стройплощадку практически с экскурсионными целями, забирала информацию уже на флешке, пила чай с директором, разговаривая с ним о новых сданных объектах под диктофон, сама делала несколько снимков (директора и новых домов) и уезжала. Оставалось только скомпоновать публикацию для ближайшего номера «Городничего».

Вот и сегодня «вольво» забрал Нонну Савельевну в 141–5 от столовой, а теперь вёз её назад. Муторное состояние на душе у Червоных так и не проходило. Она его ощутила сразу после ухода Давыдкина из столовой. Сначала Нонна Савельевна подумала, что это как обычно от встречи с Витей, от понимания бесперспективности её попыток восстановить с ним близкие отношения и от своего бессилия прекратить эти попытки. Она ведь некоторое время после его переезда в Среднеградск самоуверенно полагала, что он постепенно простит её и в конце концов переедет к ней, потому что с их первой встречи здесь было понятно, что Витя до сих пор

любит свою Нану. Но по мере того, как Нонна Савельевна всё больше узнавала о его семье от него самого, слушая его рассказы о жене, двух дочерях и трёх внуках, самоуверенности этой становилось всё меньше и меньше. А однажды она увидела их всех вместе в городском парке и поняла, что свою семью Витя никогда не бросит. Даже ради неё.

Но было в этой муторности что-то другое, необычное для её состояний после встреч с Давыдкиным. Ну, точно! Это ведь от того, что она так и не решилась рассказать ему ту историю, ради которой, собственно, и напросилась на совместный обед. Ей об этом и вспоминать-то было очень неприятно, а уж рассказывать ещё кому-то... А тем более Вите. И что бы он о ней подумал?! Нет уж, надо будет как-то с этим расхлёбываться самой.

Она решила было, что на сегодня трудиться достаточно: с таким настроением лучше уж дома «принять ванну, выпить чашечку кофе», но почувствовала, что до того надо всё-таки выговориться. А на эту тему можно было разговаривать только с Кошёлкиной. Только Наталья Германовна и была ещё в этой теме, да и сёстры они ведь как-никак, хоть и сводные.

– Поговорила? – спросила главный редактор «Городничего» вошедшего социального обозревателя журнала, оторвавшись от компьютера и с полувзгляда определив психосостояние Нонны Савельевны.

– Про журнал нет, – почти шёпотом произнесла Червоных и плавно опустилась в своё удобное кресло за своим рабочим

столом в редакции.

– Почему?

– По кочану.

– А я-то чем перед тобой виновата? Раз пришла, значит рассказывай.

– Наташ, ну чего тебе рассказывать? Ну зачем я ему буду рассказывать, как мы с тобой Крестова двенадцать лет назад кинули.

– Нонна, это же была твоя идея – посвятить Давыдкина в ту историю. Сама говорила – на всякий случай, чтобы понимал в перспективе. А теперь опять у тебя комплекс вины прорезался.

– Говорила. Но рассказать не смогла. Вернее, решила Витю в это самой не посвящать. Хвастаться-то тут нечем. И точно предвидеть его реакцию на это я не могу. А комплекс вины у меня не прорезался – у меня чувство вины не проходит.

– Начинается! Давай не будем уже в девятьсот девяносто девятый раз пилить эти опилки. Давай лучше определимся с нашей тактикой и стратегией взаимодействия с Крестовым на пять его мэрских лет. Определимся и будем реализовывать. А комплексовать, пугать себя гипотетическими проблемами, ныть – Нонна, ну не для нас это!

– И что ты предлагаешь конкретно?

– Во-первых, официально встречаешься с ним как с высшим должностным лицом города в ближайшее время и договариваешься о сотрудничестве между администрацией

Среднеградска и редакцией «Городничего».

– Наташ, он с нами уже двенадцать лет даже не здоровается, а ты про какое-то сотрудничество...

– Слушай меня внимательнее: это должна быть не встреча давно поругавшихся друзей Крестова Ивана Васильевича и Нонны Савельевны Червоных по твоей повинной просьбе, а переговоры мэра города и учредителя самого влиятельного СМИ в городе о взаимовыгодном взаимодействии с целью информирования жителей Среднеградска о деятельности муниципальной исполнительной власти.

– Даже если он согласится встретиться со мной...

– А куда он теперь денется? Он уже по должности своей обязан с тобой встретиться! Пусть даже если придётся для этого записаться на приём по личным вопросам.

– Даже если мы встретимся, всё равно придётся начать разговор с той истории...

– Ну и начни! Я в отличие от тебя виноватой себя перед ним не чувствую. Да, это он пригласил нас в первый городской журнал «Городовой», в котором он был соучредителем вместе со своим приятелем Стрельченко. Да, это он сделал тебя редактором «Городового». Да, это он придумал всю содержательную концепцию того журнала, финансово-экономическую схему его издания и даже дизайн. Но концепцию и схему эти на практике-то реализовали мы с тобой...

– Э, э, не перевирай совсем-то уж. Стрельченко Коля это всё еще до нашего прихода начал делать. И с нами вместе

потом делал.

– Делал, пока его запои не стали регулярными с уменьшающимися интервалами. Ты забыла, как бумагу не на что было покупать и зарплату людям нечем платить бывало из-за того, что твой Коля всю наличку пропивал? Нет уж, и ты правду помни. Мы два года это всё терпели. Мы полтора года уговаривали Крестова повлиять на Стрельченко или взять журнал в свои руки. Повлиял? Взял? Нет! Приходил раз в неделю на редакционный совет, умничал, критику наводил, наставления выдавал. Так что мы поступили абсолютно правильно, что ушли оттуда в конце концов.

– Что ушли, действительно, правильно. Но дело-то не в том, что ушли, а как ушли. А ушли мы с тобой подленько, между нами говоря.

– Слушай, не сгущай. Когда уходили, ты так не считала. Сама всё до мелочей продумала и до дней рассчитала.

– А теперь считаю. Именно, подленько. В тихушку от Крестова и Стрельченко – раз. Забрав с собой весь персонал – два. Взяв из «Городового» для своего нового журнала и содержательную концепцию, и финансово-экономическую схему, и дизайн – три. Мы же даже название умышленно сделали почти таким же – «Городничий». И самое главное: мы ведь переключили на себя всех рекламодателей. Короче, мы родили «Городничего» так, чтобы «Городовой» умер. Он и умер – я и вправду всё точно придумала и рассчитала. Ладно, Стрельченко, пожалуй, и заслужил такое – помню, натерпе-

лись мы от него. Но Крестов-то не заслужил. А незаслуженные обиды не прощаются, Наталья Германовна.

– Отлично, Нонна Савельевна! Вот таким и должно быть начало твоей встречи с мэром Крестовым.

– А дальше?

– А дальше в зависимости от его реакции. Не мне тебя учить. И очень тебя прошу: себя на эту тему можешь грызть сколько угодно, но меня в это больше и не пытайся втягивать – не получится. Буду просто посылать – предупреждаю.

– Ладно, остынь. Посоветуюсь с Оксаной, как побыстрее встретиться с нашим дорогим Иваном Васильевичем. Поеду я, пожалуй, домой уже. Всё равно хреново на душе. Приготовлю себе что-нибудь экстравагантное. Если хочешь, то заезжай – к семи вечера будет готово. Пока.

– Пока. Не заеду – я никак не могу один инфоматериал доделать. То тут профессор Зарецкий наши аналитические недостатки вскрывал, то ты опять вся развинуватилась.

– Какой ещё Зарецкий?

– Всё, Нонна! Езжай уже. Потом расскажу, да и сама, думаю, увидишь теперь его не раз. Говорю же – материал хочу доделать сегодня, чтобы не висел уже на мне.

– Ну, доделывай. Это экстравагантно – есть экстравагантное в одиночку.

У входных дверей с внутренней стороны Крестова уже караулили.

«Помощник прокурора города Кунгурцева Нина Петровна, – представилась ему довольно милая дама лет тридцати пяти. – Почти все уже собрались, только полковника Нехаева ещё нет. Ну, Борис Константинович, как всегда, спустится ровно в назначенное время. Пойдёмте, Иван Васильевич, кабинет Виктора Ивановича на третьем этаже».

Крестов любил приходить на разные групповые мероприятия тютелька в тютельку к назначенному времени, и если бы он шёл сейчас один, то с такой скоростью, чтобы эту тютельку и соблюсти. Но темп их движения теперь задавала помощница Давыдкина, и Ивану Васильевичу приходилось поступаться своими принципами. Отход от принципов компенсировался зрелищем стройных ножек Нины Петровны, легко поднимающими её к начальнику и сосредоточившими на себе глаза Крестова. Когда они уже шли по коридору третьего этажа, Иван Васильевич ощутил даже в себе некоторое сожаление, что здание было всего лишь четырёхэтажное: он бы так с ней и до седьмого, например, этажа поднимался с удовольствием.

За столом для заседаний в прокурорском кабинете сидели уже пять человек, двух из которых Крестов раньше не видел

даже на фотографиях. Увидев вошедшего мэра города все встали, а Давыдкин даже вышел из-за стола со своего председательского места в торце и пошёл ему навстречу.

– Добрый день, Иван Васильевич, – протянул он руку, и Крестов ощутил сухость и силу прокурорской ладони. – Давайте я Вам представлю присутствующих.

Валерий Валерьевич Кулаков, председатель городского суда.

Аркадий Леонтьевич Чернов, начальник Среднеградского межрайонного отдела федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков.

Даниил Юльевич Тонколужин, руководитель следственного отдела по Среднеградску.

Алексей Миронович Ермилин, начальник управления МВД по Среднеградску.

С каждым Крестов здоровался за руку и встречался взглядами, стараясь запомнить и руку, и глаза.

– Иван Васильевич, присаживайтесь тут справа от меня, – начал было размещать Крестова за столом Давыдкин, но дверь в кабинет отворилась, и вошел ещё один участник совещания. – А вот и Борис Константинович Нехаев, начальник управления ФСБ по Среднеградску. По нему и часы можно проверять.

Стоявшие в углу кабинета большие напольные часы тут же сделали получасовую отбивку колокольным звуком, и присутствующие дружно рассмеялись, в том числе и Борис Кон-

стантинович. Похоже, это была здешняя традиционная шутка. Крестов с Нехаевым обменялись рукопожатиями, и все расселись за столом.

– Иван Васильевич, мы вот в таком составе, – Давыдкин левой рукой очертил почти круг с разрывом на Крестова, – регулярно, не реже раза в квартал, собираемся для обсуждения, разработки и реализации согласованных мер по борьбе с преступностью в нашем городе. Это называется координационным совещанием. Аркадий Леонтьевич, Даниил Юльевич, Алексей Миронович и Борис Константинович являются членами этого совещания по должности, а у Валерия Валерьевича есть право председателя городского суда присутствовать на этих совещаниях, и, спасибо ему, он постоянно пользуется этим правом. Ну а я по должности председательствую на наших встречах. Таковы действующие правила.

– Да, я в курсе, читал. Правда, думал, что нас будет меньше: прокуратура, суд, милиция (ой, извините Алексей Миронович, полиция, конечно) и безопасность. Как-то не отложились у меня до сих пор в голове усовершенствования нашей правоохранительной системы в виде выделения в ней наркотического и следственного элементов. Но теперь, после знакомства с Аркадием Леонтьевичем и Даниилом Юльевичем, надеюсь это уж точно отложится. Виктор Иванович, я бы тоже хотел стать постоянным участником этого координационного совещания. По-моему, действующие правила позволяют?

– Конечно, Иван Васильевич. Правила позволяют приглашать на совещания руководителей органов местного самоуправления, а члены совещания, я уверен, не будут возражать, если я Вас прямо сейчас и приглашу на все наши следующие заседания. Правильно? – Давыдкин обвёл взглядом остальных присутствующих, которые никак не среагировали на его вопрос. – Вот, видите, никто не возражает, – невозмутимо продолжил прокурор.

– Спасибо, Виктор Иванович. Спасибо, коллеги, – Крестов тоже обвёл взглядом остальных присутствующих, но на него никто не смотрел. – Просьба у меня только такая к Вам на сей счёт, Виктор Иванович: заранее мне направлять день, час и повестку заседаний координационного совещания. Причём сразу хочу сказать, я понимаю, что в повестке заседаний могут быть вопросы, на обсуждении которых мне присутствовать будет нельзя. Понимаю и обещаю не обижаться. Просто прошу такие вопросы ставить последними, и я буду уходить с заседаний раньше.

– Вот и хорошо, Иван Васильевич, договорились. Кстати, о повестке сегодняшнего заседания. Оно у нас внеплановое, по Вашей инициативе. Я коллег так и приглашал: новый мэр хочет с нами познакомиться и поговорить. Поэтому тему разговора мы ждём от Вас – задавайте, обсудим.

– «Организация внешнего контроля за конфликтами интересов на муниципальной службе в Среднеградске». Такую тему я предлагаю для обсуждения, коллеги. Для начала, ко-

нечно, нужны некоторые вводные пояснения с моей стороны. Дело в том, что я планирую до конца года подготовить и провести через городскую думу новую структуру администрации Среднеградска. Могу уже сейчас сказать, что она будет сильно отличаться от действующей. В январе будущего года начнётся конкурсный набор персонала на штатные единицы новой структуры. Но я отдаю себе отчёт, что если мне не удастся наладить внешний контроль за наличием и возникновением конфликтов интересов у муниципальных служащих, то эти структурные изменения вряд ли приведут к повышению эффективности деятельности администрации, ради которого я, собственно, и планирую провести эти изменения. Я не верю, что такой контроль можно обеспечить внутри администрации, поэтому и говорю о необходимости организации внешнего, то есть не внутри администрации, контроля. Поэтому и выношу такую тему на координационное совещание. Такой внешний контроль должен быть обеспечен с участием всех элементов нашей правоохранительной системы, то есть с вашим участием, коллеги, – Крестов решил, что тут нужна пауза, чтобы коллеги от него не отстали, и кашлянул несколько раз, снова обводя взглядом присутствующих и обрадовавшись встрече с глазами Кулакова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.